

Алексѣй Толосовъ.

35824

Къ реформѣ Мѣстнаго Суда.

(Обзоръ проектируемыхъ организацій Мѣстнаго Суда въ связи съ ихъ исторической преемственностью).

Цѣна 50 коп.

С.-Петербургъ.
1912.

Замѣченныя опечатки:

Напечатано:

страница 15, снизу 2 строка:
Араповъ

страница 23, сверху 12 строка
интенсивный

страница 60, снизу 9 строка
Государственной Думы

Слѣдуетъ читать:

Агаповъ

интензивный

Государственная Дума

COMMISSIONERS OF THE GENERAL LAND OFFICE

GENERAL INQUIRY

1871

STATE OF NEW YORK

1871

IN SENATE

1871

1871

1871

1871

28864
Алексѣй Толосовъ.

~~25-8-24.~~

Отъ автора

Къ реформѣ

Мѣстнаго Суда.

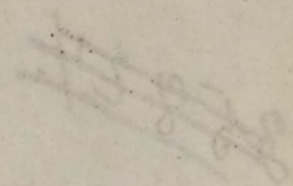
(Обзоръ проектируемыхъ организацій Мѣстнаго Суда въ связи съ ихъ исторической преемственностью).

С.-Петербургъ.

Библиотека 1912. СССР

39

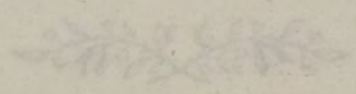

Къ реформѣ

Мастнаго Суда.

85519

Мастнаго Суда въ Санктъ-Петербургѣ
въ 1855 году

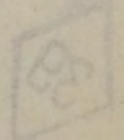

КОММЕРЧЕСКАЯ
И. А. Гольдбергъ,
Столярный пер. д. № 7.

Золотая медаль.

ТИПОГРАФІЯ
С.-Петербургъ,
Телефонъ № 529-59.

Отъ автора.

Настоящій трудъ представляетъ изъ себя Университетскую зачетную работу, которая получила одобрение со стороны заслуженнаго проф. СПб. Университета И. Я. Фойницкаго.

Рѣшаясь выпустить ее въ свѣтъ, мы надѣемся, что она не будетъ лишена интереса, такъ какъ вопросъ о реформѣ Мѣстнаго Суда еще не рѣшенъ окончательно Законодательными Учрежденіями и до сихъ поръ остается спорнымъ въ своихъ частяхъ. Экскурсія же въ историческое прошлое Мѣстнаго Суда дастъ возможность читателю уяснить сущность предполагаемой реформы и отчетливѣе представить себѣ тотъ путь, по которому слѣдовало-бы вести измѣненія въ организаціи мѣстнаго суда.

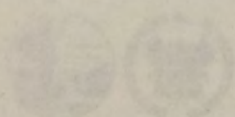
А. Т.

ОТЪ ВТОРА

Настоящия трудъ представляетъ на себѣ Унивѣр-
ситетскую зачетную работу, которая получила одобре-
ніе со стороны заведующаго кафедрой проф. С. П. Унверситета
Н. Р. Фойникова.

Рѣшаясь выпустить ее въ свѣтъ, мы надѣемся,
что она не будетъ лишней интереса, такъ какъ во-
просъ о реформѣ Мѣстной Суды еще не рѣшенъ окон-
чательно. Законодательными учрежденіями и до сихъ
поръ остаются спорными въ своихъ частяхъ. Экскур-
сія же въ историческое прошлое Мѣстной Суды дастъ
возможность яснѣе установить сущность преобладае-
мой реформы и отнестись къ ней предвзято, а не
вслѣдствіе спора, въ которомъ сдѣланы бы были
опредѣленія Мѣстной Суды.

Л. А.

ТИПОГРАФІЯ
С. Петербурга,
Томская ул. № 25-27.

ВВЕДЕНІЕ.

Между законодательными вопросами въ области юстиціи, стоящими у насъ на очереди, едва-ли не наибольшее практическое значеніе по объему затрогиваемыхъ имъ интересовъ и вліянію, которое можетъ имѣть то или другое разрѣшеніе его на правовой бытъ русскаго народа, имѣетъ вопросъ о преобразованіи мѣстнаго суда.

Реформа мѣстнаго суда, касаясь правового уклада народной, по преимуществу, крестьянской массы, т. е., обнимающей собою 80% всего населенія страны, уже по одному этому должна была вызвать самое повышенное къ себѣ вниманіе со стороны правительства и общества и самое дѣятельное творчество со стороны законодательства. Общество на мѣстахъ яснѣе видѣло „нужды деревни“ и потому ранѣе правительства въ лицѣ сельско-хозяйственныхъ мѣстныхъ комитетовъ, опрошенныхъ особымъ совѣщаніемъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности подъ предсѣдательствомъ Витте, высказало свой основной и общій leitmotiv, что „при обсужденіи мѣропріятій для поднятія сельскаго хозяйства во главу угла должны быть поставлены *правовые вопросы*“ (Русскій у. к. Докладъ А. И. Цыбульскаго); что „необходимо регулированіе народной жизни *только закономъ*, охраняемымъ *единымъ и общимъ для всѣхъ судовъ*“ (Новомосковскій у. к.); что „произволь въ судебномъ и административномъ отношеніяхъ въ крестьянскомъ быту тормозятъ всякую энергію“ (Нижегор. у. к.); что „только твердое и неуклонное исполненіе закона можетъ воспитать въ населеніи уваженіе къ нему и уваженіе къ лицамъ, призваннымъ примѣнять его“ (Краснинскій у. к. Докл. кн. Н. С. Волконскаго). Когда же общественная жизнь Россіи уперлась въ тупикъ, тогда и для правительства стало яснымъ, что дальше по старому направленію общественную жизнь вести некуда, тогда и оно, въ своихъ предначертаніяхъ къ усовершенствованію Государственнаго порядка, признало неотложнымъ въ ряду мѣръ, направленныхъ къ упорядоченію общегосударственныхъ нуждъ и потребностей, ввести „должное единство въ устрой-

ствѣ судебной въ Имперіи части и обезпечить судебнымъ установленіямъ всѣхъ степеней необходимую самостоятельность, въ цѣляхъ охраненія равенства передъ судомъ лицъ всѣхъ сословіій“ (Им. Высоч. Указъ Сенату 12 Дек. 1904 г. п. 3). Такимъ образомъ, въ Указѣ 12 Декабря 1904 г. вопросъ о реформѣ мѣстнаго суда получилъ принципиальное признаніе Верховною властью, но это признаніе было не слѣдствіемъ случайнаго стеченія обстоятельствъ, а подготовлялось долго и медленно, образовавъ въ своемъ движеніи цѣлую исторію, которую нельзя обойти молчаніемъ, ввиду широкаго захвата реформы и того значенія, которое она должна имѣть въ народномъ быту. Съ другой стороны, исторія вопроса мѣстнаго суда любопытна и поучительна, какъ справедливо подмѣтилъ І. В. Гессенъ, и въ томъ отношеніи, что „она отражаетъ въ себѣ, какъ въ микроорганизмѣ, весь смыслъ и всю сущность политики нашей бюрократіи, всю глубину ея непониманія и пренебреженія къ народнымъ нуждамъ“ (Докладъ во 2-ой Государственной Думѣ. Засѣд. 49, 1907 г.).

Краткій очеркъ исторіи вопроса о реформѣ мѣстнаго суда.

Исторія вопроса о мѣстномъ судѣ начинается вслѣдъ за эпохою великихъ реформъ. Судебная реформа 1864-го года обошла крестьянство, не трогая его сословный судъ. Однако, такая мѣра считалась правительствомъ временною и потому оно скоро приступило къ изученію тайниковъ народнаго быта. Съ этою цѣлью была Высочайшимъ повелѣніемъ 16 Дек. 1871 г. образована комиссія сенатора Любоцинскаго, труды которой въ 1873 г. изданы въ 7 объемистыхъ томахъ. По принятому въ то время способу изученія народной жизни путемъ опроса на мѣстахъ, комиссія эта объѣхала значительное число губерній и по окончаніи своего изслѣдованія пришла къ выводу, что „существуетъ масса различныхъ сельскихъ и общинныхъ судебныхъ установленій на ряду съ волостнымъ судомъ, производство въ которыхъ носитъ преимущественно мировой характеръ и отличается полной безформенностью“. Комиссія высказалась за оставленіе особаго крестьянскаго суда и проектировала измѣненія въ пра-

вилахъ о судѣ. - Заключение комиссіи сен. Любощинскаго осталось однимъ пожеланіемъ, но интересъ къ мѣстному суду не падалъ, и черезъ 10 лѣтъ правительство выдѣлило изъ комиссіи объ устройствѣ мѣстнаго управленія подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Каханова (1882 г.) особое совѣщаніе о мѣстномъ судѣ. Оно признало цѣлесообразнымъ оставленіе мѣстнаго суда только для дѣлъ гражданскихъ и то только въ качествѣ третейскаго суда руководящагося обычаями. Форма такого суда должна быть установлена приговоромъ сельскихъ сходовъ. Рѣшенія ихъ окончательны. Въ случаѣ несогласія сторонъ судиться домашнимъ судомъ, оставленъ волостной судъ, такъ какъ мировой судъ дорогъ ¹⁾. Такимъ образомъ, серьезное изученіе крестьянскаго быта привело объ комиссіи приблизительно къ одному и тому же выводу. Онѣ высказались за сохраненіе мѣстнаго специфическаго крестьянскаго суда. Однако, когда правительство отъ пожеланій перешло къ дѣлу, то курсъ былъ измѣненъ, и путь къ реформѣ мѣстнаго суда былъ избранъ средній. Правительство, повидимому, не довѣряло недисциплинированной разсудочности крестьянства, такъ какъ ввело положеніе 12 іюля 1889 г. Этимъ закономъ сословный крестьянскій судъ оставлялся, но былъ поставленъ подъ неусыпную опеку и бдительный надзоръ земскаго начальника.

Стремленіемъ создать „близкую къ народу твердую правительственную власть, которая соединяла-бы въ себѣ попечительство надъ сельскими обывателями“ ²⁾, правительство впало въ двойственность, установивъ вмѣсто суда простое „усмотрѣніе“. Такой порядокъ не могъ не битъ въ глаза самимъ учредителямъ реформы и заботы о устройствѣ мѣстнаго суда не уменьшались, а увеличивались. Сознавая создавшуюся закономъ 1889 г. двойственность, правительство съ 90-хъ годовъ принимаетъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ мѣръ и комиссіонныхъ пересмотровъ, съ цѣлью упорядочить и приблизить мѣстный судъ къ общему типу мировыхъ установленій. Но всѣ эти мѣры отличаются крайнею неустойчивостью, колебаніемъ и безрезультатностью. Вся правительственная дѣятельность за этотъ періодъ до Ук. 12 Декабря 1904 г. можетъ быть безошибочно обобщена и подведена подъ образную характеристику докладчика суд. ком. 3. Думы

¹⁾ См. Объясн. записку къ проекту, внесенному въ Государственную Думу Министромъ Юстиціи.

²⁾ Им. Выс. Ук. Пр. Сенату 12 Іюля 1889 г.

Шубинскаго, сравнившего ее съ „ударами молота, которымъ откалывали отъ прекрасной мраморной статуи, какою былъ мировой институтъ, цѣлый рядъ большихъ кусковъ, которые, вмѣстѣ съ образовавшимися трещинами, замазывали самобытной глиной“ (Рѣчь въ 3 Думѣ. Засѣд. 10 сессіи III, 30 Окт. 1909 г.).

Такой глиной были разнаго рода разъяснительные циркуляры по Мин. Вн. Дѣлъ, наприм., циркуляръ за № 44 1890 г. Онъ вводитъ новый отдѣлъ о заочномъ разбирательствѣ въ Вол. судѣ, примѣнительно къ правиламъ мировыхъ судей и земск. начальниковъ. Но на практикѣ этотъ циркуляръ никакого значенія не могъ имѣть, такъ-какъ онъ не указываетъ, съ какого срока заочное рѣшеніе вступаетъ въ силу: со дня-ли постановленія приговора или врученія копии рѣшенія? Другой циркуляръ того же министерства за № 19 1890 г. установилъ правила, что лица, уклоняющіеся отъ явки въ волостной судъ, по его вызову, въ качествѣ свидѣтелей, могутъ быть привлекаемы къ угол. отвѣтственности по 29 ст. Уст. о Наказаніяхъ. На практикѣ это возбуждало такія затрудненія, что циркуляръ былъ отмѣненъ въ 1891 г. за № 23. Эти и другіе циркуляры М. В. Д. (подробн. см. ст. Филатова. Ж. Уг. Гр. Пр. 1893 г., кн. 9) внесли такую пестроту въ практику мѣстнаго суда, что 7 Апр. 1894 г. образована была Высочайше утвержденная комиссія для пересмотра законоположеній по судебной части, которая руководилась задачами „объединенія суда, приближенія его къ населенію, упрощенія судебного устройства и укрѣпленія правительственнаго значенія суда“. Труды комиссіи дошли до Государ. Совѣта, гдѣ было выдѣлено Особое Совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ Горемыкина, но 23 Сент. 1905 г. Высочайше возвращены въ Мин. Юстиціи, за установленіемъ, съ учрежденіемъ Государ. Думы, новаго порядка разсмотрѣнія законодательныхъ предположеній, такъ что осязательнаго результата не имѣли. Послѣднею комиссіею передъ разразившеюся надъ страной грозой, потрясшей весь государственный строй до самыхъ основъ его и заставившей ускорить общегосударственныя реформы, была комиссія 1902 г. Стишинскаго. Эта комиссія высказала рядъ предположеній, изъ которыхъ самымъ существеннымъ было предположеніе объ изданіи особаго гражданскаго сельскаго устава, обнимающаго, главнымъ образомъ, два типа правоотношеній: а) договоры и б) наслѣдованіе среди крестьянъ. Предположенія редакціонной комиссіи 1902 г., въ силу Манифеста 26 Февраля 1903 г., были переданы на мѣста въ

губернскія совѣщанія, большинство которыхъ высказалось или за полное упраздненіе волостного суда, или за сокращеніе его компетенціи. Въ это же время обсуждались вопросы мѣстнаго суда мѣстными комитетами о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, во главѣ съ Особымъ Совѣщаніемъ, высказавшимся, на основаніи резолюцій мѣстныхъ комитетовъ, за учрежденіе всесословнаго мѣстнаго суда. Комитетъ Министровъ, поручая Министру Юстиціи разработку законопроекта о мѣстномъ судѣ, высказалъ желаніе принять во вниманіе труды Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. За этимъ заключительнымъ аккордомъ сороколѣтнихъ стараній перестроить мѣстный судъ на разныхъ началахъ, вопросъ о коренной реформѣ мѣстнаго суда проходитъ на нашихъ глазахъ. Указъ 12 Дек. 1904 г. Засѣданіе 31 Мая 1905 г. Комитета Министровъ, обсудившаго 3 п. Указа и предложившаго Министру Юстиціи, совмѣстно въ чемъ слѣдуетъ съ Мин. Вн. Дѣлъ, выработать мѣропріятія, которыя были выработаны и Высочайше утверждены 21 іюня 1905 г. Разработанный вполнѣ законопроектъ о мѣстномъ судѣ былъ внесенъ къ началу 1907-го года въ Государственную Думу. Дума 2-го созыва обсуждала его въ 3-хъ послѣднихъ своихъ засѣданіяхъ, но за роспускомъ ея окончить сужденій не успѣла. Въ настоящее время вопросъ о мѣстномъ судѣ, рѣшенный Государственной Думой 3-го созыва, куда Министръ Юстиціи внесъ свой законопроектъ вторично, нѣсколько измѣнивъ его содержаніе, обсуждается въ Государственномъ Совѣтѣ. Такова исторія вопроса о мѣстномъ судѣ. Уже одинъ бѣглый обзоръ наглядно говоритъ о томъ, что для правительства правовой бытъ крестьянства являлся какимъ-то непонятнымъ сфинксомъ, къ которому не знали какъ подойти, съ чего начать, какъ распознать его загадочную форму. Такая таинственность народной жизни и создавала такія явленія, что правительство, то серьезно и осторожно совершало свое хожденіе въ народъ для изученія (комисс. сенатора Любоцинскаго), то порывисто и круто, не считаясь съ требованіями справедливости и права, порывая связь съ прошлымъ, калѣчило крестьянскій бытъ реформой 1889-го и слѣдующихъ годовъ. Общій же выводъ краткій обзоръ исторіи вопроса о мѣстномъ судѣ даетъ тотъ, что правительство дѣйствительно сознавало и предвидѣло широкой размахъ и важное значеніе предпринимаемой реформы, но съ другой стороны, обычная оффиціальная близорукость не позволяла ему, какъ выше сказано было словами І. В.

Гессена, уяснить всю глубину вопроса и тщательно вести реформу.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію проектируемыхъ организацій мѣстнаго суда, мы находимъ необходимымъ подойти къ этому изложенію послѣдовательно, описавъ общё историческій ходъ и смѣну разныхъ организацій мѣстнаго суда въ разные періоды Русской исторіи.

Экскурсія въ область давняго и недалекаго прошлаго мѣстнаго суда намъ кажется необходимой въ 1-хъ въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы прослѣдить историческую преемственную связь различныхъ формъ устройства мѣстнаго суда, въ 2-хъ потому, чтобы яснѣе себѣ представить сущность и главныя основанія предполагаемыхъ въ этой области измѣненій проектомъ, литературой, мнѣніями комиссій и отдѣльныхъ лицъ, наконецъ, въ 3-хъ для того, чтобы отгѣнить исторически участіе народнаго элемента въ дѣлахъ мѣстнаго суда.

Обзоръ различныхъ организацій мѣстнаго суда въ разные періоды Русской исторіи.

Періодъ „Русской Правды“. Точную картину мѣстнаго суда въ древнее время установить трудно, такъ какъ судъ, по воззрѣніямъ того времени, обобщался разплывчатыми понятіями „правду дать“, „правду стеречи“, а господство обычая и смѣшеніе функцій суда и управленія не могли создать спеціальныхъ органовъ судебной власти. Въ періодъ родового быта и господства мести возстановленіе нарушеннаго права происходитъ собственными силами потерпѣвшаго. Слѣды такого самоуправства извѣстны и Русской Правдѣ, которая постановляетъ: „аще познаеть кто, не емлетъ его, то не рци емоу: мое; но рци емоу тако: поиди на сводъ“ (1, 13) ¹⁾.

Въ Московскій періодъ аристократія московская сохранила подобный остатокъ старины въ дѣлахъ о мѣстничествѣ, когда, по искамъ въ отечествѣ между однородцами, правительство поручало рѣшеніе ихъ споровъ старымъ родителямъ. Очевидно, здѣсь сохранились слѣды старой родовой расправы, замѣчаетъ Дмитріевъ. ²⁾

¹⁾ М. А. Дьяконовъ. Исторія судопроизводства. Юрьевъ. 1905 г., стр. 78.

²⁾ Исторія судебныхъ Инстанцій, изд. 1899 г., стр. 5.

Въ историческое- время быстро появляются общественные и государственные органы суда. Такъ, у русскихъ славянъ есть извѣстіе о общественномъ судѣ: „нравъ есть прѣвыя чади всея предъ враты граду творити вѣще и суды“. ¹⁾

Со времени призванія князей, обычными органами суда являются князь и подчиненные ему органы: посадники, тиуны и тысяцкіе въ Новгородѣ, но участіе свободнаго населенія въ отпращиваніи суда не устраняется, а или привходитъ въ него, или совсѣмъ замѣняетъ княжескій судъ. Дмитріевъ полагаетъ, что на первыхъ порахъ члены одного и того же рода или одной общины врядъ-ли имѣли часто нужду въ княжеской расправѣ помимо общины (Истор. судебн. инст., стр. 4). Источники, дѣйствительно, подтверждаютъ это предположеніе. „Читая Русскую Правду“, пишетъ проф. Дьяконовъ, „нельзя себѣ представить почти ни одного юридическаго акта, который-бы не совершался иначе, какъ въ присутствіи многихъ лицъ, „людей“, какъ ихъ чаще называетъ памятникъ. Такъ покупаютъ вещь, такъ сдаютъ опекуну наслѣдство малолѣтнихъ, такъ совершаются другаго рода гражданскія сдѣлки“. Вездѣ „люди“. Ихъ присутствіе входитъ, какъ органической элементъ, въ тогдашнее судоустройство (Дювернуа, 167). А Русская Правда своими постановленіями подкрѣпляетъ вышеуказанное мнѣніе, напр., статья: „Аще гдѣ възыщеть на друузѣ проче, а онъ ся запирати почнетъ; то ити ему на изводъ предъ 12 человекъ“ (1, 14). Въ договорѣ новгородцевъ съ нѣмцами 1251 г. тоже самое: „оже емати скотъ Варягу на Русинѣ, или Русину на Варязѣ, а ся его заприть; то 12 мужъ послухы, идетъ ротѣ, възметъ свое“ (ст. 10). Эта комиссія изъ 12 человекъ окончательно рѣшала споръ и являлась судебной коллегіей для дѣлъ уголовныхъ, сохраняя въ своей памяти судебныя рѣшенія. Такъ, статья объ убійствѣ въ распри опредѣляетъ: „Аще распри между нѣкими бываючи и приключится смерть пріяти, да разсудятъ послуси и да хранятъ имъ же смерть содѣяна бысть“ ²⁾.

Если принять во вниманіе то, что государственная власть въ то время не имѣла достаточно ни средствъ, ни сильныхъ органовъ для самостоятельнаго осуществленія правосудія, то вполне понятнымъ будетъ участіе мѣстнаго населенія въ судѣ или въ качествѣ самостоятельнаго судебного органа, или въ видѣ помощника князю и его представителямъ.

¹⁾ М. Дьяконовъ. „Исторія судопроизводства“, стр. 79.

²⁾ „Эклога“, зачало 16, гл. 7.

На ряду съ прямымъ или косвеннымъ участіемъ населенія въ судѣ древнѣйшаго періода Русской исторіи, съ 13-го вѣка имѣются указанія объ участіи общинъ въ судѣ болѣе организованнымъ способомъ черезъ посредство своихъ выборныхъ. Первое указаніе на участіе представителей общины въ судѣ находится въ договорной грамотѣ Смоленска съ Ригой 1229 года: „которое орудіе доконьчано боудѣтъ оу Смоленска мѣжу Роусію и мѣжу Латинескимъ языкомъ, пьредѣ соудіями и пьредѣ добрыми людьми, боль того не починати оу Ризѣ и на Гочькомъ березѣ; а что боудѣтъ дѣкончано оу Ризѣ и на Гочькомъ березѣ пьредѣ соудіями и пьредѣ добрыми людьми того оу Смольнскѣ не починати“ (ст. 33). Эти добрые люди являются, по выраженію В.-Буданова, „живымъ кодексомъ“ и судьями участвующими въ самомъ приговорѣ“. ¹⁾

Періодъ Раздробленная страна бережно охраняла „Судебниковъ.“ свои мѣстные порядки, такъ что, когда Москва начала округлять свои владѣнія, вливавшіяся въ ея границы нѣкогда самостоятельныя княжества, будучи не въ силахъ отстоять свою политическую независимость, всѣми мѣрами старались охранить свою судебную независимость. „А самосуда ти княже не замышляти“, слышится въ обращеніяхъ побѣжденныхъ къ побѣдителямъ. „А посаднику судити свой судѣ съ намѣстники великаго князя по старинѣ“, такъ опредѣлялись условія судебной власти двухъ вольныхъ городовъ. Москва примирительно отвѣчала на эти требованія побѣжденныхъ и формулировала свое отношеніе къ мѣстнымъ судамъ приблизительно такъ: „А на судѣ у намѣстника быти старостѣ и лучшимъ людямъ безъ старосты и безъ лучшихъ людей суда намѣстникамъ и волостелямъ не судити“ („Судебн.“ Ивана III, 1497 г. и статья М. Н. Покровскаго въ сборн. „Мелкая Земская Единица“. Т. I, стр. 210). Эти областныя особенности сохранялись долго. Еще Татищевъ видѣлъ собраніе Рязанскихъ законовъ. По его словамъ, Василій Темный велѣлъ Ростовскимъ боярамъ судить по ихъ законамъ.

Съ 16-го вѣка въ политическомъ отношеніи страна объединилась параллельно и въ судебномъ отношеніи она стала представлять съ этого времени нѣчто цѣлое. Въ періодъ Судебниковъ до Уложенія Царя Алексѣя Михайловича въ мѣст-

¹⁾ Христом. 1, прим. къ указ. 33 ст.

номъ судоустройствѣ, по опредѣленію Дмитріева, лежали два начала. Одно изъ нихъ было „кормленіе“, которымъ управляли: намѣстники, волостели, конюшіе, дворецкіе и пр., другое было основано на жалованныхъ грамотахъ, по которымъ судъ былъ отданъ государемъ на мѣста или самимъ подсуднымъ лицамъ т. е. общинамъ, или землевладѣльцамъ. Сначала такія жалованныя грамоты выдавались въ качествѣ привиллегіи. Такого характера, напр., жалованная Грамота Ивана IV-го, данная имъ въ октябрѣ 1546 г. Вятчанамъ Шестаковскаго городка, которая постановляла жителямъ слободки „не подлежатъ суду намѣстника, а судиться выбраннымъ ими слободчикомъ“.¹⁾

Впослѣдствіи такія жалованныя грамоты стали явленіемъ обычнымъ. Въ 1554 году дана была грамота 2-мъ селамъ Аѳанасьевскому и Васильевскому, по которой царскіе намѣстники, третчики и тіуны не судили крестьянъ этихъ сель; судилъ же ихъ посельскій. Въ 1556 году царь велѣлъ у крестьянъ Переяславскихъ подклѣтныхъ сель въ судьяхъ быть тѣхъ же сель крестьянамъ, которыхъ они всѣ выбрали²⁾.

Эти отступленія отъ обычнаго суда у намѣстника и волостеля вылились въ особый институтъ излюбленныхъ старостъ и цѣловальниковъ, который въ качествѣ общаго учрежденія былъ признанъ вторымъ судебникомъ (статья 68). Проф. Морошкинъ такъ охарактеризовалъ дѣятельность цѣловальниковъ: „Право живетъ въ народныхъ обычаяхъ, а вѣщатели его суть цѣловальники, люди добрые, люди лучшіе, избираемые по-половинѣ съ обѣихъ тяжущихся сторонъ“³⁾. Какъ представители мѣстнаго населенія, они должны были охранять на судѣ интересы своей мѣстности и быть на стражѣ закона, „правды стеречи“, какъ выражаются источники (П. С. Л. IV, 287). Въ 1542-мъ г., утверждая цѣловальниковъ въ Керети и Ковдѣ, Государь велѣлъ ихъ „привести къ цѣлованію на томъ, что имъ у данщика и у слободчика на судѣ всякаго дѣла беречи вправду, по крестному цѣлованію безъ всякія хитрости“⁴⁾.

¹⁾ Дмитріевъ. „Ист. суд. Инст.“, стр. 35.

²⁾ М. И. Зрудный. „Законы и Жизнь“, стр. 37—38)

³⁾ „Рѣчь объ Уложеніи“. Москва. 1839 г., стр. 16.

⁴⁾ „Ист. суд. Инст.“ Дмитріевъ, стр. 40.

Съцѣлью огражденія мѣстныхъ интересовъ отъ притѣсненій намѣстниковъ и произвола тиуновъ, Великій князь Василій Ивановичъ позволилъ жителямъ Новгорода въ 1533-емъ году избрать со всѣхъ улицъ 48 цѣловальниковъ, изъ которыхъ каждый мѣсяцъ четверо судили съ тиуномъ (Ист. суд. Инст. Дмитриева, ст. 38).

Такимъ образомъ, въ періодъ Судебниковъ народное участіе въ дѣлахъ мѣстнаго суда нисколько не ослабѣло, сравнительно съ эпохою „Русской Правды“. Измѣнилась только форма его участія, принявши болѣе совершенный видъ на началахъ выборнаго представительства.

Періодъ „Уложенія“. Въ эпоху Уложенія значеніе цѣловальниковъ значительно сузилось и измѣнился самый характеръ мѣстнаго судебного представительства. Соціальная обстановка въ этотъ періодъ рѣзко начала измѣняться. Нѣкогда единая община селенія или города, безапелляціонно вѣрившая въ своихъ лучшихъ мѣстныхъ людей, теперь стала замѣтно дробиться на сословія съ специфическими для каждаго изъ нихъ интересами. Вслѣдствіе этой соціальной дифференціаціи, измѣнилась и форма народнаго представительства на судѣ. Вмѣсто прежняго, такъ сказать, огульнаго представительства мѣстнаго населенія въ судѣ оно стало выборнымъ отъ сословій. На почвѣ такого соціальнаго дробленія и выросли извѣстныя въ исторіи суда губныя учрежденія. Въ нихъ присутствуютъ мѣстные жители, но выбранные отъ всѣхъ сословій. Такъ, когда правительство, оказалось безсильнымъ бороться съ разбоями и грабежами, оно обратилось къ помощи мѣстныхъ людей, предоставивъ имъ право независимо отъ намѣстниковъ и волостелей ловить, судить и казнить воровъ и разбойниковъ, для чего они должны были „ставить себѣ въ головахъ дѣтей боярскихъ челоуѣка 3 или 4 въ волости и присоединять къ нимъ старость, десятскихъ и лучшихъ людей мѣстности“. ¹⁾

Такое дѣленіе мѣстныхъ представителей въ судѣ на представителей отъ „дѣтей боярскихъ“ и „прочихъ жителей“ ясно говоритъ за то, что произошло осязательное дѣленіе населенія на аристократическое,—владѣльческое, привилегированное сословіе съ одной стороны, и на демократическое,—тяглое, крестьянское сословіе—съ другой. Горожане

¹⁾ Зарудный. „Законы и Жизнь“, стр. 37.

составляли особый кругъ, выбирая губного старосту изъ своихъ горожанъ (Грамота 1642 г. іюля 8 дня жителей гор. Воронежа).

Такой сословный характеръ представительства въ мѣстномъ судѣ особенно усилился къ началу Императорскаго періода. Когда въ 1702-мъ г. были уничтожены губные старосты, велѣно было вмѣсто ихъ „вѣдать съ воеводами всякія дѣла городовымъ дворянамъ, по выбору тѣхъ городовъ, помѣщиковъ и вотчинниковъ“. Судебное ихъ участіе въ Указѣ 10 марта 1702 г. выражено такъ: „а слушавъ тѣ дѣла, и указъ по нимъ чинить тѣмъ дворянамъ съ воеводы обще, и тѣ дѣла крѣпить тѣмъ воеводамъ и имъ дворянамъ всякому своими руками, а одному воеводѣ безъ нихъ дворянъ никакихъ дѣлъ не дѣлать и указу по нимъ не чинить“ ¹⁾. Такимъ образомъ, участіе въ высшемъ правительственномъ мѣстномъ судѣ становится въ этотъ періодъ мало по-малу привилегіей дворянскаго сословія, но и крестьянское сословіе не устраняется отъ участія въ судебной дѣятельности, какъ сословіе. Въ періодъ Уложенія появляются чисто крестьянскіе суды, такъ называемые, Земскіе суды. Они были въ тѣхъ черныхъ волостяхъ, гдѣ не было правительственныхъ приказчиковъ и состояли изъ 10 человекъ, обыкновенно назначавшихся по выбору волостныхъ крестьянъ.

Земскіе судьи или судейки, какъ ихъ называли, судили при лучшихъ людяхъ или цѣловальникахъ, которые наблюдали за справедливостью суда. Съ 1612 года цѣловальники присутствуютъ только на судѣ крестьянскомъ. Сначала земскіе суды были совершенно независимы отъ другихъ властей, такъ какъ за общинами была признана обязанность судиться у себя, но впослѣдствіи они подпали подъ подчиненіе воеводъ и другихъ приказныхъ людей. Уголовныя дѣла земскіе суды вѣдали совмѣстно съ губными старостами, какъ ихъ товарищи ²⁾.

Кромѣ указанныхъ формъ мѣстнаго суда, въ эпоху Уложенія зарождаются суды односельчанъ, носившіе мировой характеръ и пышно расцвѣтшіе у насъ въ 1/2 19-го вѣка подъ именемъ суда „стариковъ“. Такіе суды односельчанъ въ 17 вѣкѣ признавались не только мѣстными жителями, но и самимъ правительствомъ. Такъ, въ 1651-мъ году Аѳонька Гилевъ да Фролка Араповъ основали слободу. Въ 1654-мъ году данъ былъ для слободы приказчикъ, но вслѣд-

¹⁾ Дмитріевъ. „Ист. Суд. Инст.“, стр. 305.

²⁾ Дмитріевъ. „Ист. Суд. Инст.“, стр. 62.

ствіе поднявшихся на него жалобъ, въ 1656-мъ г. „управленіе и судъ были переданы въ руки основателей слободы“ ¹⁾. Подобный примѣръ суда уважаемыхъ односельчанъ приводитъ Зарудный. Въ 1636-мъ году, въ Сольвычегодскѣ была любопытная мировая: посадскіе люди и волостные крестьяне, выведенные изъ терпѣнія насильствами воеводы Головачева, написали одиначную запись, чтобъ другъ друга не выдавать, пошли всѣмъ міромъ къ воеводѣ и разграбили его, говоря: „которыя де мы деньги давали, тѣ и взяли“; они хотѣли было убить Головачева, но пріѣхали на воеводскій дворъ Андрей и Петръ Строгановы и помирили воеводу съ мірскими людьми написана была мировая, и мірскіе люди взяли у воеводы за миромъ триста рублей“ ²⁾.

Распространяя свое вліяніе на провинцію и окраины, Московское государство старалось осторожно, бережно и съ уваженіемъ относиться къ прошлому народному участию въ отправленіи правосудія на мѣстахъ. Этимъ приемомъ оно надѣялось, съ одной стороны, сохранить довѣріе населенія къ своимъ судебнымъ новшествамъ, а съ другой—замаскировать свое безсиліе въ борьбѣ съ преступностью. Поэтому, на всемъ протяженіи Московскаго періода, мы встрѣчаемъ въ источникахъ указаніе на участіе населенія въ мѣстномъ судѣ въ тѣхъ формахъ, которыя выше нами описаны, какъ типичныя. Современники этой эпохи на народное участіе въ судѣ смотрѣли, какъ на оплотъ правосудія. Видный новгородскій воевода Ордынъ-Нащокинъ такъ доноситъ тайно своему Московскому правительству: „во всякомъ городѣ вся крѣпость въ посадскихъ людяхъ“ ³⁾.

Сознавало это и правительство, ограничивая въ наказахъ воеводамъ произволь своихъ агентовъ. Въ одномъ наказѣ 1685 г. говорится: „Ясачному сборщику судить вмѣстѣ съ ихъ иноземскими князцы и съ лучшими людьми, а безъ нихъ и въ малыхъ дѣлахъ не судити“ ⁴⁾.

Общество, съ своей стороны, ревниво оберегало свое участіе въ мѣстномъ судѣ, и, когда оно почему-либо нарушалось, снѣшило въ челобитьяхъ правительству напомнить

1) Дмитріевъ. „Ист. Суд. Инст.“, стр. 311.

2) Зарудный. „Законы и жизнь“, стр. 41.

3) Дмитріевъ. „Ист. Суд. Инст.“, стр. 319.

4) Дмитріевъ. „Ист. Суд. Инст.“, стр. 310.

о своихъ правахъ. Жители, напримѣръ, Шуи напоминаютъ царю Михаилу: „А велѣно намъ по твоей, Государь, по уставной грамотѣ промежь собой, выбирая судей, судитися самимъ“¹⁾.

Отсутствіе народнаго элемента въ мѣстныхъ судебныхъ дѣлахъ являлось признакомъ безпорядка, общественнаго бѣдствія, пагубно отражавшагося не только на мѣстныхъ жителяхъ, но и на государственныхъ порядкахъ. Такъ, въ 1665 г. во Псковъ пришла изъ Москвы грамота, которая, въ виду того, что отъ „нерадѣнья всенароднаго“ происходитъ несогласіе между посадскими людьми, которые „въ крѣпости гражданскаго постановленія не держать“, предписывала: „земскимъ старостамъ сойтися съ лутчими людьми въ земской избѣ для общаго всенароднаго совѣта и о грацкомъ устроеніи со всякимъ усердіемъ говорить“. Въ результатѣ этого совѣта было рѣшено: „По дѣламъ между посадскими и служилыми людьми учреждается смѣстный судъ: дворянинъ, назначенный воеводой къ суднымъ дѣламъ, судить вмѣстѣ съ выборными людьми“²⁾. Окидывая орлинымъ взглядомъ исторію мѣстнаго суда въ Московскій періодъ, мы приходимъ къ выводу, что, какъ участіе народнаго элемента, такъ и организація этого участія въ мѣстномъ судѣ, органически вытекали изъ всего правового уклада предшествовавшихъ эпохъ и тѣхъ юридическихъ порядковъ, которые складывались и видоизмѣнялись не механически, а совершенно естественно исторически.

„Императорскій“ періодъ. Въ противоположность естественнымъ организаціямъ мѣстнаго суда въ предшествоващіе періоды, Императорскій періодъ начинается съ искусственнаго построения его. Петръ I, рѣзко порывая связь съ прошлымъ во всѣхъ своихъ мѣропріятіяхъ, попытался и мѣстный судъ построить по одному механическому масштабу. Указомъ 24 Апр. 1713 г. имъ было предписано: „на каждую провинцію выбрать по одному ландрихтеру“. Въ 1720-мъ году въ мѣстномъ судоустройствѣ вводятся 3 инстанціи: высшая—надворный судъ, средняя—провинціальный судъ, низшая—городовой судъ. Въ 1722-мъ г. послѣднія двѣ отмѣнены, и судебныя дѣла на мѣстахъ были переданы прежнимъ воеводамъ мѣстнымъ, при которыхъ опредѣлены асессоры по 2 человѣка изъ дворянъ. Въ глухихъ мѣстностяхъ устроенъ особый низшій судъ. Воеводы туда посылали асес-

¹⁾ Покровскій. „Сбор. Мелкая Земская Единица“. Т. I, стр. 233.

²⁾ Дмитріевъ. „Исторія Судебн. Инстанцій“. 1899 г., стр. 318—319.

соровъ и съ ними 2 или 3 подъячихъ. Если припомнить изъ Московскаго періода, что подъячіе тамъ выбирались отъ населенія, на примѣръ, въ 1657-мъ г. 23 авг. въ Переяславлѣ Рязанскомъ велѣно было всѣмъ жителямъ, начиная отъ столыльниковъ до жилецкихъ людей, „выбрать 3-хъ человекъ подъячихъ, которые всему городу любви“, то и въ Петровскую эпоху можно говорить косвенно объ участіи всего населенія въ мѣстномъ судѣ. Вообще же точно преслѣдить разныя формы народнаго участія въ судѣ за это время трудно. По словамъ Дмитріева, о преобразованіяхъ Петра В. въ мѣстномъ судѣ „надобно замѣтить, что они неизвѣстны намъ во всѣхъ подробностяхъ и полнаго сужденія о нихъ произвести невозможно. Извѣстія такъ разсѣяны, въ отрывочныхъ указахъ, что изъ нихъ не видно, что было кореннымъ учрежденіемъ, а что временной мѣрой“ („Ист. Суд. Ин.“, стр. 442).

Болѣе отчетливую форму въ смыслѣ организаціи мѣстный судъ получилъ при Екатеринѣ II-ой. Въ 1775-мъ г. она учредила рядъ сословныхъ судовъ на выборномъ началѣ: для дворянъ — верхній земскій судъ, для горожанъ — городской и губернской магистратъ, для крестьянъ — верхняя расправа, апелляціонная и ревизіонная и нижняя земская расправа, „для разбирательства случаевъ судебного свойства, возникающихъ между однодворцами, всякихъ прежнихъ службъ служилыми людьми, черносочными сельскими обывателями, крестьянъ — государевыхъ, государственныхъ и приписанныхъ къ какимъ ни на есть мѣстамъ и заводамъ“. Въ судахъ этихъ присутствовали по 2 засѣдателя, которые выбирались каждымъ сословіемъ изъ своей среды на 3 года. Кромѣ этихъ сословныхъ судовъ, народный элементъ былъ призванъ къ участію въ судебныхъ дѣйствіяхъ учрежденныхъ Екатериной II — „совѣстныхъ судахъ“. Этимъ судамъ были подвѣдомственны такія преступленія, которыя совершены „по несчастному какому-нибудь приключенію, или по стеченію разныхъ обстоятельствъ, отягощающихъ судьбу виновнаго, свѣше мѣры имъ содѣяннаго“¹⁾. Совѣстный судъ судилъ не по закону, а по справедливости. Онъ состоялъ изъ 1-го судьи и 6 засѣдателей, которые избирались сословіями по два отъ cadaго. Совѣстный судья долженъ быть „способнымъ, совѣстнымъ, разсудительнымъ, справедливымъ и безпорочнымъ человекомъ“²⁾. Все это такія качества, которыя напоминаютъ намъ народныхъ пред-

1) Латкинъ. Учебн. Ист. Права, стр. 601.

2) Тамъ-же.

ставителей въ судѣ предшествующихъ эпохъ, людей „добрыхъ“, „излюбленныхъ“, „лутчихъ“. Самая же организація мѣстнаго суда при Екатеринѣ Великой, съ одной стороны, возстанавливаетъ утраченную порывистымъ и рѣзкимъ Петровскимъ періодомъ связь съ прежними эпохами, когда народное участіе въ мѣстномъ судѣ было несомнѣннымъ и форма этого участія приблизительно подходила къ Екатерининскимъ, съ другой же стороны, обособленіе мѣстнаго суда при Екатеринѣ II въ особый чисто крестьянскій сословный судъ являлось главнымъ основаніемъ и прототипомъ организаціи мѣстнаго суда съ сословными крестьянскими особенностями до нашихъ дней. Мѣропріятія послѣдующихъ царствованій, не нарушая основного принципа Екатерининской реформы, направлены были, главнымъ образомъ, на внѣшнее упорядоченіе мѣстнаго суда, на его, такъ сказать, техническую сторону. Въ 1797 году расправа была упразднена, селенія раздѣлены на волости, въ которыхъ судъ былъ предоставленъ волостному головѣ. Въ 1809 г. было Высочайше утверждено положеніе Департамента Удѣловъ, на основаніи котораго тяжбы и споры, возникшіе между удѣльными крестьянами, разбирались въ каждомъ селеніи „добросовѣстными“. Дѣла же уголовного свойства и дѣла удѣльныхъ крестьянъ съ крестьянами прочихъ вѣдомствъ поступали въ общія судебныя мѣста. Въ 1837 году для завѣдыванія всѣми дѣлами, въ томъ числѣ и судебными, касающимися интересовъ сельскихъ обывателей, подсудныхъ упраздненной въ 1797 г. нижней земской управѣ, было учреждено Министерство Государственныхъ Имуществъ. Въ 1838 г. утверждены и проекты волостныхъ и сельскихъ управленій для государственныхъ крестьянъ, легшіе въ основу сельскаго судебного Устава 1839-го г. На основаніи этихъ законоположеній были учреждены волости съ населеніемъ не менѣе 6000 и пространствомъ не болѣе двухъ дней ходьбы отъ крайняго сельскаго общества до волостнаго правленія. При каждой волости состояли: голова, волостной писарь и волостная расправа для разбора дѣлъ между крестьянами волости. Расправа состояла изъ двухъ „добросовѣстныхъ“ подъ предсѣдательствомъ волостнаго головы. Волостная расправа составляла апелляціонную инстанцію по дѣламъ, рѣшаемымъ въ сельской расправѣ. Каждая волость была раздѣлена на сельскія общества, составляющіяся изъ одного большого селенія или нѣсколькихъ маленькихъ, съ населеніемъ въ 1,500 душъ. При каждомъ сельскомъ обществѣ, въ видѣ первой степени домашняго суда, по дѣ-

ламъ о спорахъ, тяжбахъ и проступкахъ крестьянъ, была учреждена сельская расправа, состоявшая изъ сельскаго старшины, двухъ сельскихъ добросовѣстныхъ, которые избирались на три года изъ крестьянъ, съ „отлично хорошимъ поведѣніемъ и доброй нравственностью“. Сельская и волостная расправы обязаны были руководствоваться сельскимъ судебнымъ уставомъ, съ правомъ недовольныхъ жаловаться на ихъ рѣшенія по начальству ¹⁾).

Законами 1809-го г. и 1838-го г., единый, нераздробленный крестьянскій судъ Екатерининской эпохи былъ разбитъ на части, выдѣливъ изъ сословнаго цѣлаго рядъ подраздѣленій. Вслѣдствіе такого дробленія, вмѣсто одного сословнаго крестьянскаго суда, образовался рядъ самостоятельныхъ судовъ особыхъ для крестьянъ удѣльныхъ, для крестьянъ государственныхъ, а съ 1861-го г. и для крестьянъ владѣльческихъ. Получившееся, такимъ образомъ, дѣленіе крестьянскаго суда прекратилось только съ наступившею въ 60-хъ годахъ эпохою великихъ реформъ, когда крестьянство снова слилось въ однородную массу и юридически спаено было положеніемъ 19 февраля 1861-го г. Положеніе это въ 1866-мъ г. было распространено на крестьянъ государственныхъ и удѣльныхъ, такъ что съ этого времени окончательно былъ установленъ однообразный типъ мѣстнаго сословнаго суда, общій для всего крестьянства.

Организація мѣстнаго суда по законамъ 1861, 1864 и 1889 годовъ.

Организація крестьянскаго суда по положенію 1861-го г. была слѣдующая: Волостной сходъ избираетъ изъ своей среды отъ 4 до 12 судей на 1 годъ, которые вступаютъ въ должность безъ утвержденія ихъ начальствомъ. Судъ этотъ дѣйствуетъ независимо отъ волостнаго старшины и сельскаго старосты. Компетенція суда по гражданскимъ дѣламъ определена была цѣною иска не свыше 100 руб. По всѣмъ гражданскимъ дѣламъ между крестьянами допускалось безъ ограниченія размѣровъ иска обращеніе въ волостной судъ, какъ третейскій, безъ права послѣдующаго обжалованія. По дѣламъ уголовнаго свойства волостной судъ вѣдаетъ мало-важные проступки, указанные въ Уставѣ о благоустройствѣ и произноситъ приговоры, наказывая: до 6 дней къ общественнымъ работамъ; арестомъ до 7 дней и денежнымъ взысканіемъ до 3-хъ рублей. Рѣшенія выносятся на основаніи

¹⁾ Зарудный. „Законы и Жизнь“, стр. 50.

обычнаго права и здраваго разума судей. Въ положеніи 19 февраля 1861-го г. Законодатель повидимому не хотѣлъ стѣснять дѣятельность волостного суда заранѣе опредѣленными формальностями, а предоставилъ самой жизни выработать основныя начала крестьянскаго суда, такъ какъ во второмъ примѣчаніи къ ст. 93 Полож. 19 февр. разрѣшилъ даже „оставить въ своей силѣ прежніе мѣстные обычные суды, гдѣ они сохранились“. Обжалованія рѣшеній Волостного суда положеніе 19 февраля 1861 г. не допускало, но 14 февраля 1866-го г. было Высочайше утверждено положеніе главнаго комитета о порядкѣ обжалованія рѣшеній Волостныхъ судовъ, коимъ установлено: рѣшенія Волостного суда могутъ быть передеваемы на новое его рѣшеніе съѣздомъ мировыхъ посредниковъ по жалобамъ сторонъ или по представленіямъ посредниковъ (въ мѣсячный срокъ) въ случаѣ превышенія волостнымъ судомъ власти или нарушенія имъ правилъ 96—98, 101 и 102 ст. Положенія 19 февраля. Въ настоящей формѣ волостной судъ дѣйствуетъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не введены временныя правила 12 іюля 1889-го г. Последнія же дѣйствуютъ въ 37 внутреннихъ губерніяхъ и 6 западныхъ. Какъ ранѣе было сказано, вопросъ о реформѣ крестьянскаго суда всталъ передъ обществомъ и правительствомъ вслѣдъ за великою судебною реформой 1864-го года. Временныя правила о волостномъ судѣ 12-го іюля, какъ уже самое опредѣленіе ихъ Законодателемъ говоритъ, являлись дополнительной мѣрой къ общему положенію 19 фев. 1861-го г. и частичнымъ отвѣтомъ, продиктованнымъ по преимуществу политическими соображеніями, на весь гигантскій объемъ вопроса о преобразованіяхъ въ крестьянскомъ судѣ. Преобразованія 12 іюля 1889-го г. велись „въ цѣляхъ устраненія замѣчавшейся въ крестьянской средѣ безурядицы, обусловленной отсутствіемъ надлежащаго надзора за крестьянскимъ общественнымъ самоуправленіемъ, и въ цѣляхъ установленія на мѣстахъ сильной правительственной власти“. (Объясн. зап. къ проекту Мин. Юст.). Этими задачами правительства уже предрѣшался и характеръ реформы. Въ отличіе отъ положенія 1861-го г. теперь, по Положенію 12 іюля 1889 г., на сельскихъ сходахъ выбираютъ крестьяне уже только кандидатовъ въ судьи не менѣе 8 на волость. Изъ числа кандидатовъ земскій начальникъ утверждаетъ 4 на волость въ судьи на 3 года. Судьей теперь можетъ быть и волостной старшина. Предсѣдатель суда избирается Уѣзднымъ Съѣздомъ на 3 года. Судья долженъ быть не моложе 35 лѣтъ. Содержаніе имъ назначается въ опредѣленномъ рамѣрѣ, а не

усмотрѣніемъ схода. Компетенція по гражданскимъ дѣламъ расширена. По положенію 12 іюля вѣдомству волостного суда подлежатъ а) всякаго рода иски цѣною не свыше 300 рублей, б) дѣла по наслѣдованію и раздѣламъ крестьянскаго имущества между наслѣдниками крестьянскаго сословія неограниченно, а между лицами крестьянскаго и другого какого-либо сословія, если по оцѣнкѣ имущество не превышаетъ 500 руб. По дѣламъ уголовнаго свойства допускается Волостному суду налагать наказанія: арестъ до 30 дней, и штрафъ до 30 рублей. По положенію 1889 г. введено апелляціонное обжалованіе въ уѣздный съѣздъ на приговоры Вол. суда, съ дальнѣйшей кассаціей въ губернское Присутствіе. Кромѣ этихъ нововведеній, закономъ 12 іюля 1889-го г. былъ учрежденъ институтъ земскихъ начальниковъ. Институтъ этотъ, ставши въ разрѣзъ съ требованіями права и практической пользы, явился, такъ сказать, бѣльмомъ и безъ того на мутномъ глазу мѣстнаго суда. Смѣшеніе функцій судебныхъ и административныхъ въ одномъ лицѣ земскаго начальника было такимъ вопіющимъ нарушеніемъ элементарныхъ условій суда, его судебной независимости и самостоятельности, что институтъ этотъ съ перваго момента своего появленія сталъ главною мишенью для критическихъ стрѣлъ послѣдняго времени. Увеличивая и безъ того многочисленныя недостатки мѣстнаго суда, институтъ земскихъ начальниковъ своимъ кричащимъ несоотвѣтствіемъ современному правосознанію окончательно расшаталъ неудовлетворительную организацію мѣстнаго суда и ускореннымъ шагомъ, наконецъ, привелъ къ кореннымъ пересмотрамъ въ этой области суда, которые ведутся на нашихъ глазахъ. Реформа 1889-го г. въ исторіи различныхъ организацій мѣстнаго суда въ разные періоды русской исторіи была, такимъ образомъ, заключительною реформою, такъ сказать, реформою подъ „занавѣсъ“.

Недостатки современной организаціи мѣстнаго суда.

Мѣстный крестьянскій судъ въ настоящемъ его видѣ далеко отстаетъ отъ современныхъ требованій жизни и науки. Въ теченіе $\frac{1}{2}$ вѣка, нося характеръ „временнаго суда“ ¹⁾,

¹⁾ О временномъ характерѣ Вол. суда свидѣтельствуется личный дѣятель освободительной эпохи 60-хъ годовъ д. т. совѣтн. Семеновъ. Кромѣ того, см. „Труды Редакц. Ком.“ т. I, стр. 10—17; Гр. Витте. „Записка по кр-му дѣлу“, 10—92.

рѣшая дѣла „по совѣсти и обычаю“, онъ не имѣлъ точныхъ нормъ писаннаго права и необходимаго соотвѣтствія соціальнымъ и экономическимъ условіямъ жизни, измѣнившимъ во многомъ съ 60-хъ г. самый характеръ крестьянскихъ правоотношеній. Въ экономическомъ отношеніи вторая половина 19-го вѣка характеризуется смѣною натурального хозяйства капиталистическимъ. Капиталистическій способъ производства вызвалъ къ жизни новыя формы хозяйства, оживилъ промышленность, увеличилъ, въ соотвѣтствіи съ новыми формами производства, обмѣнъ, развилъ спеціализацію и раздѣленіе труда. Въ результатъ новаго хозяйственнаго строя получилась коренная ломка вѣками сложившагося крестьянскаго общиннаго быта и произошелъ интенсивный переходъ къ индивидуальному хозяйству. Вслѣдъ за этимъ экономическимъ переворотомъ шелъ, какъ его слѣдствіе, и переворотъ соціальный. Въ соціальному отношеніи однородныя группы разбиваются на классы съ ихъ обособленными интересами, борьба капитала съ трудомъ обостряла отношенія этихъ классовъ между собой, хроническое же малоземелье или полное безземелье создало въ крестьянскомъ быту безпрерывные приливы и отливы въ поискахъ труда и сносныхъ условій существованія. Вслѣдствіе такихъ перемѣнъ экономическаго и соціальнаго свойства должны были измѣниться и правовыя отношенія крестьянства. Они, дѣйствительно, и измѣнились, превратившись изъ традиціонныхъ, замкнутыхъ, связанныхъ магическимъ дѣйствіемъ одного слова „міръ“, въ болѣе подвижныя, свободныя отъ сословныхъ узъ, но нуждающіяся въ точно опредѣленной формулировкѣ положительнаго закона и въ однородной организаціи суда. Въ конечномъ счетѣ указаннаго переворота, съ одной стороны, вышуклѣе обрисовался общій недостатокъ крестьянскаго суда т. е. его несоотвѣтствіе условіямъ новой жизни, а съ другой, нагляднѣе обнаружили передъ глазами правительства и общества его спеціальныя недостатки, т. е. несоотвѣтствіе теоретическимъ требованіямъ права и судебной практики.

Разсматривая спеціальныя недостатки современнаго мѣстнаго суда, мы не ошибемся, если ихъ раздѣлимъ на двѣ категоріи: а) недостатки, вытекающіе изъ организаціи суда вообще, в) недостатки специфическіе, касающіеся его личнаго состава. Недостатки этихъ категорій ярко обрисованы въ объяснительной запискѣ Министра Юстицій къ проекту, въ мнѣніяхъ спеціальныхъ комитетовъ и отдѣльныхъ лицъ въ литературѣ. Недостатки первой категоріи объяснит. записка къ проекту разбивается на пункты, указывая, въ 1-хъ, на

пестроту организацій мѣстныхъ судовъ, во 2-хъ, неравенство суда въ зависимости отъ сословія тяжущихся, въ 3-хъ, отдаленность общаго суда, въ виду искусственнаго суженія компетенціи мѣстнаго суда, въ 4-хъ, полное подчиненіе земскимъ начальникамъ, которые въ своей дѣятельности простираютъ власть свою за предѣлы, предназначенные имъ закономъ. Остановливаясь на каждомъ изъ этихъ пунктовъ мы, дѣйствительно, увидимъ, что они имѣютъ фактическую обоснованность. Такъ, указывая на пестроту организацій мѣстнаго суда, проектъ примѣрно приводитъ слѣдующія данныя: а) вся страна дѣлится на мѣстности, изъ которыхъ однѣ находятся подъ дѣйствіемъ Устава 1864 г., подчиняясь вѣдѣнію мировыхъ судей (обѣ столицы, Варшавскій Округъ, Прибалт. губ., 3 Юго-Западн., Сѣверный Кавказъ, Донская область, Измаил. уѣздъ, Бессарабской губ.); другія, гдѣ введено положеніе о земскихъ начальникахъ, въ судебномъ отношеніи подчиняются правиламъ, установленнымъ закономъ 12 іюля 1889-го г. (37 губ. внутреннихъ и 6 Западныхъ); третьи, окраинныя мѣстности, находятся на особомъ положеніи подчиняясь туземнымъ, по преимуществу, обычнымъ судамъ. (Сибирь, Туркест. край, Степная обл., Арханг. губ.). Встрѣчаются мѣстности, гдѣ судъ отправляется судьями 3—5 типовъ. Таковъ, напр., Петербургскій судъ, гдѣ мѣстный судъ находится въ рукахъ 1) выборнаго мирового судьи; 2) мирового судьи по назначенію, 3) городского судьи, 4) земскаго начальника, 5) уѣздн. члена окружнаго суда. Приватъ-доцентъ Аничковъ, перечисляя типы народныхъ судовъ, насчиталъ ихъ съ самостоятельными организаціями двѣнадцать ¹⁾. Отсутствіе же подробнаго судопроизводственнаго кодекса для волостныхъ судовъ создаетъ рядомъ съ организаціонной пестротой пестроту процессуальную, благодаря чему не достигается та опредѣленность и законмѣрность дѣятельности, которая важна въ процессѣ (Объясн. зап. къ проекту Мин. Юстиціи).

Неравенство мѣстнаго суда подтверждается нарушеніемъ единства уголовной репрессіи. Такъ, для крестьянъ, съ одной стороны, существуютъ спеціальныя карательныя постановленія, въ силу которыхъ для нихъ смягчается наказуемость за общія проступки, напр., за кражу крестьянина у крестьянина по 38 ст. врем. прав. о Вол. судѣ высшее наказаніе—15 дней арестъ и только въ исключительныхъ случаяхъ 30 дней. За такую же вину лицъ другихъ состояній,

¹⁾ Аничковъ. „Мировой судъ и преобразование низшихъ судовъ“.

земскій начальникъ можетъ наказать, по 169 ст. Устава о Наказ., тюремнымъ заключеніемъ до 6-ти мѣсяцевъ. Тоже самое въ случаѣ мошенничества ст. 38 врем. пр. о Вол. судѣ = 177 ст. Уст. о Наказ. Съ другой стороны, для крестьянъ признаются уголовно-наказуемыми мотовство, пьянство, нарушение договора о наймѣ на сельско-хозяйственныя работы, т. е. такіе проступки, которые для лицъ другихъ состояній ненаказуемы.

При обоснованіи 3-го пункта, т. е. отдаленности суда, нужно имѣть въ виду 2 фактора: а) экономической и в) территоріальный. По поводу перваго фактора необходимо сказать, что возрожденіе экономической жизни страны во второй половинѣ 19-го вѣка должно было увеличить обмѣнъ, а усилившійся обмѣнъ вызвалъ и увеличеніе количества денежных знаковъ, необходимыхъ для обращенія, увеличившійся же спросъ на деньги въ свою очередь усилилъ добываніе металловъ для денежных знаковъ, въ результатѣ этой причинной лѣстницы усилившееся добываніе металла для денегъ должно было понизить самую цѣнность денежных знаковъ. Это и случилось, такъ что опредѣленіе компетенціи мѣстныхъ судовъ, скажемъ, до 500 р. по гражданскимъ искамъ въ 60-хъ годахъ и въ настоящее время имѣетъ далеко не одинаковое значеніе.

Обращенію же населенія въ общіе суды мѣшали условія территоріальныя. Судебныя округа въ территоріальномъ отношеніи раскинулись на довольно большія пространства, такъ что центральные пункты, окружные суды, находятся отъ своихъ конечныхъ частей на далекомъ разстояніи. Напр., г. Кузнецкъ отстоитъ отъ Саратова на 422 в.; Усть-Сысольскъ отъ Вологды 877 в.; Усть-Цыльма отъ Архангельска на 1150 в.; Кола—1607 в. При такихъ условіяхъ, если прибавить къ нимъ еще отсутствіе хорошихъ путей сообщенія, трудно говорить о близости общаго суда. Наконецъ, что касается 4-го пункта, то о немъ сложилась большая литература, такъ какъ ни одна комиссія, ни одно частное изслѣдованіе не могли пройти мимо вліянія земскихъ начальниковъ въ дѣлахъ крестьянскаго суда. Институтъ земскихъ начальниковъ былъ, какъ мы выше выразились, «мишенью», и само правительство, критикуя его въ своей объяснительной запискѣ, не пожалѣло красокъ, чтобы обрисовать его въ самомъ безотрадномъ видѣ. „Многіе земскіе начальники“, говоритъ записка, „усвоили себѣ такой взглядъ на законъ 12-го іюля 1889-го г., что онъ имѣетъ цѣлью «обузданіе» и «дисциплинированіе» крестьянскаго населенія и возстановленіе помѣстнаго значенія дво-

рянъ-землевладѣльцевъ, поколебленнаго яко-бы судебною дѣятельностью мировыхъ учрежденій. Въ судебныхъ дѣлахъ земскіе начальники предписываютъ волостному суду дѣло рѣшить въ опредѣленномъ смыслѣ“. Такой безотрадный результатъ дѣятельности земскихъ начальниковъ предвидѣло еще ранѣе большинство „Кахановской“ комиссіи, которое высказалось объ учрежденіи института земскихъ начальниковъ такъ: „въ результатѣ предлагаемой реформы оказался бы такой произволъ на мѣстахъ, отъ котораго только-бы и оставалось бѣжать изъ уѣзда и тѣмъ, кто въ немъ еще остается, не говоря о положеніи, въ которомъ могли-бы оказаться крестьяне“¹⁾. Это предчувствіе большинства сбылось, когда институтъ земскихъ начальниковъ былъ введенъ въ жизнь. Крестьяне особенно пострадали отъ введенія его, очутившись въ положеніи довольно незавидномъ, такъ какъ система административной опеки привела къ гражданскому безправію; гражданское же безправіе къ отсутствію само-дѣятельности общественной и личной. Властная опека надъ крестьянами укрѣпляетъ въ нихъ «неподвижность къ улучшеніямъ въ собственномъ бытѣ», пишетъ Московскій губернскій комитетъ въ своемъ отзывѣ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. «Опека принижаетъ сельское населеніе, убивая въ немъ лучшія гражданскія чувства и низводя даже самыхъ лучшихъ и разумнѣйшихъ крестьянъ на степень бессловесныхъ рабовъ» (Кирилловскій у. к. Докладъ А. М. Тютрюмова, 49 стр. «Нужды деревни»). Такія печальныя послѣдствія системы административной опеки вообще особенно тяжело отразились на дѣятельности крестьянскаго суда, гдѣ опека земскаго начальника была усилена предоставленнымъ ему правомъ назначать волостныхъ судей, временно устранять ихъ отъ должности, подвергать дисциплинарнымъ взысканіямъ, правомъ отмѣнять рѣшенія Волостного суда въ порядкѣ надзора и правомъ общаго наблюденія за дѣятельностью суда. Путемъ этой судебной опеки были вытравлены въ крестьянскомъ судѣ самыя главныя, самыя священныя достоинства суда: его самостоятельность и независимость. Восполнить же получившійся пробѣлъ было нечѣмъ, такъ какъ самъ земскій начальникъ, по выраженію Маклакова, былъ плохой судья, въ виду обилія, лежащихъ на немъ, административныхъ обязанностей, плохой юридической подготовки, невольно при-

¹⁾ В. М. Гессенъ. „Вопросы мѣстн. управленія“, стр. 183. Сборн. „Нужды деревни“.

обрѣтенной привычки къ административнымъ приѣмамъ дѣйствія, вслѣдствіе взгляда на тяжущихся, какъ на своихъ подчиненныхъ. Какъ органъ судебный, онъ только уронилъ довѣріе населенія къ закону и суду (Докл. В. А. Маклакова, Звѣнигород. у. к.). Если прибавить къ такому обобщенію Маклакова выводъ Редакціонной комиссіи 1902-го г. и согласіе съ ней въ объяснительной запискѣ Министра Юстиціи, „что земскіе не имѣютъ никакой практической и теоретической подготовки, такъ какъ большинство изъ нихъ не получило спеціальнаго образованія и 18% замѣщаются пришлыми“¹⁾, то картина современнаго крестьянскаго суда получается самая грустная. Она вполнѣ будетъ соответствовать тѣмъ мрачнымъ краскамъ, какими обрисовали правовой бытъ деревни въ своихъ заключительныхъ докладахъ сельско-хозяйственные Уѣздные комитеты о нуждахъ деревни, высказавшіеся почти всѣ въ одномъ тонѣ, что «опека земскихъ начальниковъ лишь развращаетъ народъ и убиваетъ въ немъ чувство законности» (Докл. ред. ком. Суджанскій у. к.). «Современная деревня — царство кулачнаго права, темное царство самоуправства, гдѣ личность и имущество ограждаются не законною властью, а собственными силами отдѣльныхъ лицъ» (Журн. Балашевскаго у. к.). Причина такихъ явленій одна та, что въ деревнѣ совершенно отсутствуетъ понятіе о правѣ и крестьянину впитать въ свое сознаніе понятіе о гражданскомъ долгѣ не отъ кого и трудно, потому что онъ постоянный свидѣтель разгула одной только грубой силы и полнаго произвола (стр. 44 сбор. „Нужды деревни“). При такихъ условіяхъ охраненія закона естественно, что самъ законъ потерялъ свой нормативный характеръ властный и безусловный, превратившись въ наставленіе, совѣтъ, а судъ, примѣняющій или охраняющій законъ, сталъ дѣйствовать не на основаніи безпристрастнаго объективнаго права, а часто на основаніи субъективнаго усмотрѣнія, произвола. Смягчить всю эту беззастѣнчивость и черствость цѣлой системы судебной опеки могли только хорошая организація и личный, безупречный, знающій и потому мощный составъ мѣстнаго суда. Но въ подборѣ земскихъ начальниковъ, какъ мы видѣли, дѣло обстояло плохо, а въ выборѣ волостныхъ судей еще хуже.

Недостатки, касающіеся личнаго состава волостнаго суда, по нашей терминологіи—специфическіе, выплыли на поверх-

¹⁾ См. „Труды Редакц. Ком.“ по пересмотру законоп. о крестьянахъ 1902 г. т. III, ст. 5. Объяс. зап. къ проекту Мин. Юстиціи.

ность крестьянской жизни съ первыхъ же моментовъ дѣятельности спеціального сословнаго крестьянскаго суда. Они особенно громко заставили о себѣ говорить всѣхъ изслѣдователей крестьянскаго быта, такъ какъ воплощались въ лицахъ, выражались въ ихъ дѣйствіяхъ, и потому были осязательны безъ особаго усиленнаго наблюденія и настойчивѣе бросались въ глаза. Въ населеніи недостатки этой категоріи почти повсемѣстно возбуждали негодованіе и раздраженіе, такъ какъ судьи не имѣли авторитета, вслѣдствіе того, что отрицательныя стороны ихъ поступковъ и дѣйствій происходили, такъ сказать, «на міру», были извѣстны до мельчайшихъ подробностей, и слишкомъ родственны всему укладу крестьянскаго быта, такъ что каждый изъ крестьянъ позволялъ себѣ свободную критику ихъ, потому— что недостатки судебной коллегіи онъ чувствовалъ въ себѣ и зналъ ихъ по себѣ. Въ отчетахъ изслѣдователей и въ отзывахъ отдѣльныхъ лицъ всѣ недостатки личнаго состава сводятся къ слѣдующимъ видамъ: безграмотность, отсутствіе судебного опыта, невысокаѧ нравственная порядочность, пьянство, взяточничество и полная зависимость отъ волостныхъ писарей и старшинъ, вслѣдствіе юридической беспомощности. Для доказательства того, что эти виды недостатковъ возникли вслѣдъ за учрежденіемъ волостнаго крестьянскаго суда и за 45 лѣтъ его существованія не измѣнились, оставаясь въ той же формѣ и силѣ, мы сравнимъ отзывы 2-хъ крупныхъ изслѣдованій крестьянскаго быта— въ 70-хъ годахъ сенатора Любошинскаго, а въ концѣ 90-хъ годовъ сельско-хозяйственныхъ уѣздныхъ комитетовъ и, наконецъ, совсѣмъ близкаго къ намъ отзыва современнаго правительства. Въ трудахъ комиссіи сенатора Любошинскаго въ каждомъ отвѣтѣ крестьянъ на опросы членовъ комиссіи одна характеристика своего суда: „темный, неумѣлый“. „Стараемся избирать въ судьи „лучшихъ“ людей, да только изъ порядочныхъ никто нейдетъ, всѣ отстраняются, а попадаютъ въ судьи больше такіе, у которыхъ нѣтъ ни хозяйства, ни земли“. „У порядочнаго крестьянина свои дѣла, ему нельзя терять по цѣлымъ днямъ время, да сидѣть въ правленіи, а бездомному бѣдняку ужъ все едино, потому терять-то нечего“. „Судьи наши, даже и грамотные дѣла плохо знаютъ, а потому всегда обращаются къ писарю за совѣтомъ и рѣшаютъ дѣла, какъ писарь укажетъ“¹⁾. „Во время

¹⁾ Труды Ком. Любошинскаго. Томъ 2-ой, стр. 166. Богород. у., Моск. губ.

разбирательства дѣла принимаетъ участіе волостной старшина и помогаетъ судьямъ рѣшать дѣла“¹⁾. „Крестьяне болѣе другихъ самостоятельные и опытные, могущіе быть лучшими судьями, всегда находятъ средства отъ выбора ускользнуть разными путями, а часто и черезъ угощеніе схода водкой“²⁾. «Волостные судьи передъ разборомъ дѣла и послѣ рѣшеній дозволяютъ себѣ дѣлать всевозможныя попойки и угощенія на счетъ тяжущихся» (Отзыв. Мир. Посредн. Лебедянского у., Тамбов. губ. Труды комиссіи т. I). «Судьи никакимъ уваженіемъ и почтеніемъ не пользуются, потому они такіе же мужики, какъ и всѣ, да, при томъ, судья все народъ неважный, пьющій. Страха судъ никому не внушаетъ,, потому, хоть кого и присудить, а потомъ, коль попросишь маленько, и простить». «Судьи самый ненадежный народъ, потому что они большею частію пьяницы да кляузники, которые бы только народъ морочили да обирали»³⁾. Главное же зло волостного суда, по заключенію трудовъ комиссіи сенатора Любоцинскаго, заключалось въ юридическомъ безсиліи судей и ихъ полной зависимости отъ писарей, при низкомъ нравственномъ уровнѣ которыхъ величаяя Фемида оказывалась безъ рукъ, безъ вѣсовъ и съ разбитой головой, такъ какъ «нерѣдко самое справедливое и добросовѣстное въ сущности крестьянское рѣшеніе, прошедшее горнило писарской премудрости и велерѣчія, становилось пародіей на человѣческой смыслъ вообще и судейскій въ особенности» (Отзыв. Мир. Поср. 1-го участка, т. 7, стр. 412). Нравственный уровень писарей рисуется въ трудахъ комиссіи такъ: «Рѣдко встрѣчается толковый, знакомый съ дѣломъ писарь, еще рѣже знакомый съ крестьянскими узаконеніями и добросовѣстный. Въ писаря попадаютъ всякіе проходимцы военнаго и гражданскаго званія. Этотъ людъ вообще не можетъ похвалиться правилами нравственности, воздержанія и познаніями подлежащей обязанности, но обладаетъ значительною самоувѣренностью и самодовольствомъ невѣжества. Въ своихъ дѣйствіяхъ, руководствуясь весьма часто моралью домашняго издѣлія и пользуясь привилегированностью своего положенія, они, пріобрѣтая вліяніе на судей, даютъ направленіе дѣламъ по своимъ личнымъ видамъ и соображеніямъ, подкрѣпляемымъ авторитетомъ грамотности. На мѣстахъ долго они не заси-

1) Труды Ком. Любоцинскаго. Томъ 6, стр. 29.

2) Тоже, томъ 1, стр. 19

3) Зарудный. „Законы и Жизнь“. стр. 171; Труды Ком. т. VI, стр. 299.

живаются. За 10 лѣтъ смѣна 22-хъ писарей—обычное явленіе¹⁾.

По нравственнымъ качествамъ всѣхъ писарей волостнаго суда справедливо можно раздѣлить на 3 категоріи. Типы первой категоріи—«люди дѣльные», но они обращаютъ свои способности на такіе поступки, за которые почти каждый изъ нихъ побывалъ подъ судомъ. Типы 2-й категоріи «мало способные» большею частію изъ лицъ, проходившихъ разныя поприща и принужденные по разнымъ причинамъ ихъ оставлять, наконецъ, въ писаряхъ нашедшіе убѣжище и потому не отличающіеся честностью. Типы 3-й категоріи «самая малочисленная, когда въ писарѣ соединяются честность со способностью». Она очень рѣдко встрѣчается²⁾.

Почти въ тѣхъ же словахъ и тѣже недостатки, спустя 25 лѣтъ послѣ перваго серьезнаго изслѣдованія крестьянскаго быта, повторяютъ заключительные отзывы сельско-хозяйственныхъ уѣздныхъ комитетовъ. «Волостные суды рѣшаютъ дѣла по своему произволу и усмотрѣнію, присуждая однимъ то, что отказывается другимъ»³⁾.

«Интуитивное, безъ всякихъ общихъ нормъ, разрѣшеніе споровъ, при малограмотности судей, малокультурности» и весьма невысокомъ нравственномъ уровнѣ волостныхъ писарей, весьма часто приводитъ къ господству сильнаго надъ слабымъ, богатаго надъ бѣднымъ» (Докладъ г. Бѣяка въ Тихвинск. у. к.). Въ результатѣ, при такомъ порядкѣ въ судахъ и при бѣдности качествъ достойнаго судьи, получаютъ такія ненормальности въ судебной практикѣ Волостныхъ судовъ, на которыя указываетъ Елецкій у. к., приводя два рѣшенія, когда судъ по одному и тому же дѣлу въ теченіи одного и того же года вынесъ 2 разные приговора (Сборникъ „Нужды деревни“ стр. 130). „На крестьянскую службу идутъ люди худшіе, способные на угодничество и униженіе“ (Воронежск. у. к. докл. комиссіи). Сами крестьяне на судебную должность смотрятъ, какъ на повинность. «Судьи, что чурки», «въ судьишкахъ проболтается, говорится въ докладѣ Красноярскаго уѣзднаго комитета. Такой составъ Волостнаго суда вызвалъ у докладчика Звенигородскаго уѣзднаго комитета В. А. Маклакова крикъ: „Волостной судъ—худшій изъ всѣхъ видовъ суда“. Мнѣніе это,

¹⁾ „Труды Комиссіи Любоцинскаго“, т. 7, стр. 411.

²⁾ Отзывъ Предсѣд. Съѣзда Мир. Поср. Кіевск. у. „Труды Комиссіи“, т. 7, стр. 408-9.

³⁾ Орловск. Губ. Управа, стр. 130. Сборн. „Нужды деревни“.

горькое и тяжелое; поддержали и другіе отзывы: „Убѣжденные, искренніе юристы пришли бы въ сильнѣйшее негодованіе отъ близкаго знакомства съ слѣпыми рѣшеніями волостныхъ судовъ и разнообразной по однообразнымъ дѣламъ практикой губернскихъ присутствій“ (Бирскій у. к. Докл. С. П. Балахонцева; тоже Козловск. у. к. Докл. Ѳ. Плевако). Не уменьшилось къ нашему времени и всеиліе волостныхъ писарей. Обнинскій, указывая на это обстоятельство, приводитъ рядъ случаевъ, подобныхъ слѣдующему: «крестьянинъ на разбирательствѣ дѣла дерзнулъ упрекнуть писаря въ невѣрномъ изложеніи свидѣтельскихъ показаній, за что тутъ же былъ приговоренъ къ наказанію, денежному взысканію 5-ти рубл. Съѣздъ отмѣнилъ незаконный приговоръ» ¹⁾. Въ наши дни указанные недостатки личнаго состава Волостнаго суда остались тѣми же, и Министръ Юстиціи въ объяснительной запискѣ къ проекту, критикуя Волостной судъ, выражался словами предыдущихъ изслѣдованій, указывая на то, что «Волостные судьи не только не свѣдуши въ законахъ и судебной процедурѣ, но самое образованіе ихъ не идетъ, въ лучшемъ случаѣ, дальше грамотности, большею же частію они малограмотны или безграмотны; при томъ, вслѣдствіе краткости срока, на который они выбираются, они не успѣваютъ приобрѣсти достаточнаго навыка въ производствѣ дѣлъ. Нравственный уровень большинства волостныхъ судовъ также не высокъ. Лучшіе хозяйственные крестьяне избѣгаютъ этой должности, въ судьи попадаютъ люди завѣдомо безчестные» (Объясн. зап. Мин. Юст. къ проекту). Всѣ эти недостатки были признаны и ораторами 3 Госуд. Думы, при обсужденіи вопроса о реформѣ мѣстнаго суда. Сами крестьяне называли свой судъ «Шемякинымъ» и въ общемъ подтвердили въ своихъ рѣчахъ отзывы крестьянъ 60-хъ годовъ, что волостной судъ судить «глядя по человѣку и по дѣлу» (Труды ком. сен. Любощ. т. VI, стр. 451), «чтобъ никому не было обидно» (Труды комиссіи т. VI, стр. 744). Итоги такой безформенной организациі и дѣятельности волостнаго суда получились самые плачевные. Неспособность судей сколько-нибудь самостоятельно отнестись къ своей задачѣ и проникнуться сознаніемъ своего долга по отношенію къ чужому интересу, безтолковщина въ оцѣнкѣ волостными судьями спорныхъ отношеній аграрныхъ, наследственныхъ и др.; юридическая темнота, вслѣдствіе которой судьи не въ силахъ разобраться въ элементахъ пра-

¹⁾ Журн. Угол. и Гражд. Права, кн. 2, изд. 1892 г.

вонарушеній, создали для $\frac{8}{10}$ населенія такія условія, что ихъ семейныя, имущественныя и пр. правовыя отношенія очутились въ хаотическомъ состояніи.

Необходимость и важность реформы мѣстнаго суда.

Въ виду описанныхъ недостатковъ волостнаго суда, реформа его стала очевидной для слѣпыхъ. Въ виду же важнаго значенія ея для большинства населенія она, подобно эпохѣ великихъ реформъ, должна была стать на первое мѣсто послѣ коренныхъ реформъ общегосударственнаго свойства, такъ какъ, по фигуральному выраженію докладчика 2-ой Государств. Думы, „куполъ народнаго представительства будетъ висѣть въ воздухѣ, если подъ него не подвести широкаго и прочнаго основанія суда“. „Народное представительство и независимый судъ—это двѣ силы, дѣйствующія въ одномъ направленіи и взаимно другъ друга дополняющія“, говоритъ Л. Я. Тауберъ ¹⁾. «Сказаннымъ объясняется, почему судебныя уставы Александра II-го безсильны были водворить законность въ странѣ, а наше народное представительство, не находя опоры въ независимомъ судѣ, оказывается безсильнымъ бороться съ нарушениями закона со стороны властей“ ²⁾. Отсутствие настоящаго суда признаетъ повидимому и правительство, когда, дѣлая общій выводъ о недостаткахъ мѣстнаго суда, патетически восклицаетъ: «Такой судъ не достоинъ даже названія суда и ни въ какомъ культурномъ государствѣ терпимъ быть не можетъ» (Объясн. зап. къ проекту). «Нельзя оставлять мечъ и вѣсы правосудія въ немощныхъ рукахъ волостныхъ судей» (Рѣчь Мин. Юст. въ 3 Госуд. Думѣ). Не спорить правительство и съ своевременностью и важностью реформы мѣстнаго суда, такъ какъ устами Министра Юстиціи во 2-й и 3 Думѣ высказало свой основной взглядъ на реформу и мѣстный судъ, какъ на «фундаментъ, краеугольный камень въ дѣлѣ правильной постановки началъ правового уклада государства» (Рѣчь Мин. Юстиціи 10 ноября 1909 г. и 49 засѣд. 2-й Думы). Въ томъ же духѣ высказалась и судебная комиссія 3 Думы, признавая, что «для установленія правового строя при посредствѣ дарованнаго съ Высоты Престола народнаго представительства важно, чтобы законность прочно

¹⁾ Тауберъ. „Реформа мѣстнаго суда“.

²⁾ Ibid.

укрѣпилась въ жизни и нравахъ русскаго народа» (Докладъ комиссіи).

Такимъ образомъ, настойчивая необходимость реформы, ея своевременность не вызываютъ двухъ мнѣній. Правительство, общество, и спеціальная литература всѣ согласны съ мнѣніемъ судебной комиссіи 3 Государственной Думы, что «дальнѣйшая задержка въ преобразованіи мѣстнаго суда недопустима по соображеніямъ государственнымъ» и социальнымъ, добавимъ мы отъ себя, такъ какъ нѣкогда однородное крестьянство теперь разбилось на нѣсколько группъ: кулаковъ-торговцевъ, выдѣлившихся изъ народа, среднихъ земледѣльцевъ, оставшихся вѣрными трудовому завѣту предковъ и обнищавшихъ безземельныхъ сельскихъ пролетаріевъ, а такое явленіе не осталось безъ вліянія на крестьянскій судъ, усложнивъ его задачи и внося много пристрастія въ деревенское правосудіе, подчинивъ его воздѣйствію сильныхъ матеріально, но вредныхъ нравственно крестьянъ. Споръ ведется относительно слѣдующихъ вопросовъ:

1) На какихъ основаніяхъ слѣдуетъ строить новое зданіе мѣстнаго суда, чтобы сохранить за судомъ сложившееся мнѣніе, что онъ долженъ быть выразителемъ закона, проводникомъ права и хранителемъ правды среди людей;—

2) Какую форму придать ему, чтобы украсить представителей суда авторитетомъ судьи безпристрастнаго, доступнаго, справедливаго и милостиваго;—

3) Въ какомъ объемѣ вручить судебную власть новымъ судебнымъ органамъ. Къ изложенію мнѣній по указаннымъ вопросамъ мы перейдемъ въ слѣдующей главѣ, которая, соотвѣтственно указанному дробленію, раздѣлится на слѣдующіе отдѣлы: 1) основныя начала преобразуемаго мѣстнаго суда, 2) организація его, 3) компетенція.

Основныя положенія предполагаемой реформы мѣстнаго суда.

По замыслу и внѣшней конструкціи проектъ будущаго мѣстнаго суда представляется очень простымъ. Основные принципы проекта, принятаго въ общихъ своихъ положеніяхъ большинствомъ 3 Думы, сводятся къ слѣдующему: Волостной судъ упраздняется, упраздняется также должность городского судьи и уѣзднаго члена окружнаго суда. Судебныя функціи у земскихъ начальниковъ отнимаются. Учреждается должность единоличнаго мирового судьи, выборнаго въ земскихъ губерніяхъ и назначаемаго въ 9 запад-

ныхъ губ. и губ. Астраханской, Ставропольской и Оренбургской. Мировые судьи избираются уѣзднымъ земскимъ собраніемъ и утверждаются первымъ департаментомъ Сена-та. Для занятія должности мирового судьи необходимо имѣть 25 лѣтъ отъ роду, обладать имущественнымъ и образова-тельнымъ цензомъ. Судьи выбираются на 3 года. Компетен-ція мировыхъ судей опредѣляется по гражданскимъ дѣ-ламъ—искомъ до 1000 рублей, по дѣламъ уголовнымъ—тю-ремнымъ заключеніемъ на 1½ года безъ лишенія и ограниченія правъ состоянія. Въ цѣляхъ ускореннаго производства проектъ предлагалъ ввести институтъ судебныхъ приказовъ и разбирательства въ порядкѣ неотложности, когда судъ обходится безъ судебного производства, но судебная комис-сія 3 Думы отклонила предложеніе Министра Юстиціи большинствомъ 21 противъ 14, опасаясь чтобы быстрота репрессіи не сдѣлалась „молніеносною“, а со стороны судей и полиціи не развились-бы злоупотребленія приказами у первыхъ на почвѣ судейской „халатности“, какъ особен-ности славянской природы, а у вторыхъ на почвѣ желанія обратить на свою дѣятельность вниманіе начальства коли-чествомъ протоколовъ (Мнѣнія членовъ суд. ком.). Миро-вой юстиціи предоставляются дѣла съ безспорными актами, когда истецъ, если срокъ наступилъ, идетъ прямо въ граж-данскій судъ взыскивать по безспорному акту, а отвѣтчикъ, если думаетъ, что взысканіе неправильно, уже самъ дол-женъ будетъ предъявить искъ для освобожденія отъ долга. Апелляціонной инстанціей для мирового суда служитъ съѣздъ мировыхъ судей, предсѣдатель котораго назна-чается правительствомъ. Кассационная инстанція—Сенатъ. Общій надзоръ за мировыми судьями предоставленъ Съѣзду мировыхъ судей, Судебнымъ палатамъ, Сенату и Министру Юстиціи. Дисциплинарный надзоръ Судебныхъ палатъ надъ мировымъ институтомъ комиссія 3 Думы сочла косвеннымъ давленіемъ Министра Юстиціи, проводникомъ его вліянія на судей, и отвергла его справедливо, опасаясь въ этомъ над-зорѣ покушенія на судейскую независимость. Мировой судья получаетъ жалованье въ размѣрѣ 3000 рублей въ годъ. Въ этихъ общихъ чертахъ выполняется главная задача про-екта установленіе однообразнаго типа мѣстнаго суда на началахъ: всесословности, равенства всѣхъ передъ судомъ, независимости отъ администраціи, близости къ населенію, доступности для послѣднаго, единства въ устройствѣ су-дебной части, самостоятельности судей и руководства общи-ми для Имперіи уголовными законами и гражданскимъ зако-

нодательствомъ съ допущеніемъ лишь въ извѣстныхъ случаяхъ примѣненія мѣстныхъ обычаевъ (Основн. Полож. проекта). Перечисленные основныя начала будущаго устройства мѣстнаго суда, какъ удовлетворяющія требованіямъ современнаго правосознанія, не встрѣтили возраженій ни со стороны большинства судебной комиссіи 3 Думы, ни со стороны большинства всей Думы, принявшей при общихъ своихъ сужденіяхъ о мѣстномъ судѣ основныя положенія проекта безъ возраженій. Отдѣльныя же мнѣнія и групповыя возраженія были, направляясь, главнымъ образомъ, противъ всесословности мѣстнаго суда и сосредоточившись на вопросѣ о примѣненіи обычаевъ въ дѣлахъ мѣстнаго суда.

Возраженія первой категоріи исходили, **Всесословность** главнымъ образомъ, изъ среды крестьянъ и **мѣстнаго суда.** сводились къ глухому и затаенному недовѣрію къ судьямъ— „барину“, какъ они называли будущихъ мировыхъ судей. Крестьяне-члены судебной комиссіи 3 Думы въ особомъ мнѣніи заявляли: „что касается равенства, то какое же это равенство, когда крестьянъ судить будетъ судья выборный, а попасть въ судьи крестьянину нельзя“. Это, выраженное такъ просто, недовѣріе крестьянъ къ образованному судьямъ было поддержано изъ тактическихъ соображеній правыми членами Думы, которые, выдвигая на первый планъ дешевизну, простоту производства, близость и доступность къ крестьянской массѣ волостного суда, старались этимъ приемомъ замаскировать и обойти годами сложившіеся недочеты крестьянскаго суда. Горячую отповѣдь имъ сдѣлалъ членъ Госуд. Думы Аджемовъ. Указавъ на отношеніе правыхъ партій къ крестьянскимъ нуждамъ не съ точки зрѣнія ихъ систематическаго изученія, а съ точки зрѣнія партійной выгоды, онъ говорилъ, что „правые защищаютъ сословный крестьянскій судья для того, чтобы держать крестьянство въ обособленіи правовыхъ отношеній, чтобы не дать новому праву внѣдриться въ крестьянскую массу, чтобы крестьянъ не пріобщить къ новымъ условіямъ, къ новому укладу и въ области культурной и эстетической, и иной жизни высшихъ слоевъ общества, но, вмѣстѣ съ этимъ, и для того, чтобы въ крестьянскихъ массахъ имѣть въ своихъ рукахъ очень хорошее демагогическое орудіе, для того, чтобы сказать крестьянамъ, что они защищаютъ какія-то особыя привилегіи крестьянства, которыя у нихъ отнимаются“ ¹⁾. Помимо этихъ соображеній, намъ кажется, нельзя защищать сослов-

¹⁾ Рѣчь въ Госуд. Думѣ 10 Ноября 1909 г. 14 засѣд., сессія III.

ность крестьянскаго суда и по мотивамъ соціального характера. Современная деревня далеко ушла отъ той обстановки, въ которой проходила мѣстная жизнь $1/2$ вѣка тому назадъ. Тогда мѣстное населеніе дѣлилось на два разряда, не имѣющіе ничего общаго между собой. Съ одной стороны, крѣпостникъ-помѣщикъ, богатый, властный и часто образованный европейски, съ другой, забитая крестьянская масса съ своими вѣковыми традиціями, съ особымъ замкнутымъ душевнымъ „міркомъ“, непонятнымъ для лицъ другого сословія. Теперь грань эта давно сгладилась. Вслѣдствіе постояннаго эндосмоса и экзосмоса между городомъ и деревней, крестьянскій бытъ въ настоящее время непрерывно видоизмѣняется и идетъ за городомъ, перенимая его пріобрѣтенія, проникаясь его пониманіемъ. Сама деревня непрерывно пополняется новыми лицами: интеллигентными тружениками, съ одной стороны, и „бывалыми“ людьми изъ самой крестьянской среды, съ другой. Они, осѣдая въ деревнѣ, являются преобразователями деревни, поднимаютъ ее отъ вѣковой спячки и постепенно вводятъ деревню въ среду культурной семьи, разнося ея блага изъ области правовой, экономической, политической, технической и художественной жизни. А при такой обстановкѣ мѣстная жизнь уже не есть специфическая крестьянская жизнь, а именно: „мѣстная“, т. е. такая, которой живутъ и съ которой связаны всѣ различныя пришельцы деревни, въ видѣ ли интеллигентнаго дѣятеля или въ видѣ предпринимателя, ремесленника и т. д. Сохранять особый сословный крестьянскій судъ, при новыхъ измѣнившихся условіяхъ деревенской жизни, значитъ, совершить необъяснимую несправедливость, которая будетъ равносильна безпричинному упрямству. На это обстоятельство указывали ранѣе и члены Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности въ своихъ заключительныхъ выводахъ, говоря: „нельзя оставлять деревню ради сохраненія волостныхъ судовъ въ состояніи гражданскаго безправія и хаоса“. „Мѣстный судъ долженъ быть равнымъ для всего населенія и несправедливо оставлять большую его часть безъ должныхъ гарантій правосудія въ то время, какъ меньшая часть пользуется благоустроеннымъ судомъ“ (Жур. Особ. Сов., стр. 11).

Вопросъ о существованіи и значеніи обычнаго права въ мѣстномъ судѣ. Что касается возраженій второй категоріи, т. е. преній о существованіи и значеніи обычаевъ въ крестьянской средѣ, то о нихъ ведется споръ вѣковой въ связи съ теоретическими разногласіями въ наукѣ о взаимо-

отношеніяхъ обычая и закона. Споръ этотъ, острый и давній, раздробился на два опредѣленные теченія, когда въ правовой сферѣ выдвинулись двѣ вліятельныя и радикально противоположныя школы—естественнаго права и историческая. Естественная школа считала обычай уклоненіемъ отъ природы вещей, и съ этой точки зрѣнія нападала на обычай, признавая нормировку обычаемъ жизненныхъ отношеній явленіемъ ненормальнымъ. Историческая школа учила наоборотъ. Считая обычай продуктомъ самой жизни, она признавала его результатомъ тѣхъ отношеній, которыя происходятъ именно въ жизни и, по ея мнѣнію, обычай складывается въ силу тѣхъ или иныхъ условій общественныхъ и частныхъ.

Перенося эти разногласія на русскую почву, мы увидимъ, что они нашли у насъ противниковъ и сторонниковъ. Противъ обычая выступили сторонники воспитательнаго значенія закона и общей эволюціи правовой жизни. На защиту обычая въ Россіи становятся съ одной стороны реакціонеры, съ другой—„народничество“. Причины такого страннаго совмѣщенія двухъ противоположныхъ теченій при защитѣ народнаго обычая кроются въ мрачной обстановкѣ русской политической дѣйствительности. До послѣднихъ лѣтъ общественная жизнь Россіи текла сравнительно спокойно и мирно. Экономическая жизнь страны была неразвита, нося характеръ патріархальнаго быта, въ дѣлѣ законодательства и управленія царилъ бюрократическій произволь, народная масса искусственно держалась въ духовномъ рабствѣ и безпросвѣтномъ невѣжествѣ, самодѣятельности народной обнаружить было негдѣ, такъ какъ общество должно было хранить вынужденное молчаніе, а при такихъ условіяхъ не было нужды въ эластичности и гибкости правовыхъ нормъ. Обычай безъ особой защиты его поклонниковъ могъ съ успѣхомъ примѣняться въ жизни, такъ какъ въ обстановкѣ, когда сегодняшній день похожъ на вчерашній, завтрашній на сегодня, вся жизнь застывала, пропитываясь сонной безжизненностью, притупляющей неизмѣнностью, т. е. такими качествами, которыя питаютъ обычай, поддерживая этимъ его косность.

Когда же болото общественной жизни всколыхнулось, когда началась ломка вѣковыхъ устоевъ, когда наступила эпоха перелома народной жизни, въ этотъ моментъ (какъ вообще въ періоды перелома общественной жизни), ухватились за обычай по различнымъ побужденіямъ люди различныхъ лагерей. Реакціонеры просто изъ чувства самосохра-

ненія, народники по мотивамъ идеалистическаго характера. Реакція защищала обычай и необходимость кодификаціи его, стараясь этимъ путемъ удержать народный правовой бытъ въ обособленіи, охранить его отъ вліянія освѣжающаго закона и, такимъ образомъ, сохранить свое господство и силу. Народничество наоборотъ, идеализируя народный бытъ, видя въ немъ зародыши будущаго широкаго развитія идеи самодѣятельности населенія въ дѣлахъ самоуправленія и хозяйственнаго улучшенія мѣстности, въ лицѣ закона видѣло покушеніе на этотъ бытъ и потому, чтобы спасти народную жизнь отъ капризнаго произвола бюрократическаго законодательства, старалось со всѣмъ жаромъ и страстностью защитить народный обычай, какъ плодъ, самобытной стихійной силы народного творчества. Для народничества народный бытъ являлся своего рода фетишемъ, въ жертву которому приносились всѣ научные выводы въ области права и законодательства. Оставляя въ сторонѣ теоретическій споръ, мы перейдемъ къ изложенію фактическаго матеріала касательно существованія и примѣненія обычаевъ въ крестьянскомъ быту.

Разсматривая юридическіе обычаи въ крестьянскомъ быту, необходимо ихъ раздѣлить на 2 разряда: 1) обычаи, замѣняющіе собою дѣйствіе закона, 2) обычаи, касающіеся организациі суда. Послѣдніе мы разсмотримъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ о формахъ устройства мѣстнаго суда.

На вопросъ существуетъ-ли въ крестьянской средѣ обычное право, замѣняющее собой дѣйствіе матеріальнаго права, точнаго отвѣта дать нельзя. Можно сказать только описательно, что обычное право, жизненное въ періодъ натуральнаго хозяйства, патріархальнаго быта, съ развитіемъ капиталистическаго хозяйства и новой соціальной структуры постепенно хирѣетъ, падаетъ и замираетъ, уступая мѣсто писанному праву.

Къ такому выводу приводитъ насъ и фактической матеріаль спеціальныхъ изслѣдованій крестьянскаго быта. Проматривая его постепенно съ 60-хъ годовъ получается такая картина: въ изслѣдованіяхъ комиссіи сенатора Любоцинскаго обычай констатируется, какъ фактъ. „Судъ рѣшаетъ дѣла больше по обычаю, чѣмъ по закону, потому что обычай, по мнѣнію судей, больше чѣмъ законъ“ ¹⁾, такова общая

¹⁾ „Труды Комиссіи“, томъ 6, стр. 29. Обычаи Самар. губ. и уѣзда, Елоховская волость.

формула большинства отзывовъ. Но и въ это время уже съ натяжкой приходится говорить о обычаяхъ, какъ вполне опредѣленномъ и точно отшлифованномъ правилѣ.

Многіе отзывы опредѣляютъ обычай расплывчатыми понятіями, вродѣ напр. такихъ: „Рѣшая дѣла, судъ руководствуется старыми порядками и своими убѣжденіями¹⁾, или: „Судимъ, руководствуясь законами и справедливостью *«по нашимъ крестьянскимъ понятіямъ»*²⁾. Мѣстами встрѣчается и категорическое отрицаніе обычая: «Мѣстныхъ обычаевъ не знаемъ, судимъ по закону и справедливости»³⁾. «Нѣтъ обычая о порядкѣ наследованія, а все мѣняется, смотря по человѣку»⁴⁾. «Опредѣленныхъ обычаевъ нѣтъ. Судъ въ каждомъ данномъ дѣлѣ руководствуется особыми соображеніями и старается рѣшить дѣло по совѣсти и справедливости»⁵⁾. Чѣмъ дальше отъ крѣпостной эпохи идетъ время, и чѣмъ ближе изслѣдованія подходятъ къ нашимъ днямъ, тѣмъ настойчивѣе и рѣшительнѣе выступаетъ мнѣніе о паденіи обычаевъ, о томъ, что они измельчали, утратили свою свѣжесть и выцвѣли почти до полного исчезновенія. Уѣздные комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности въ одинъ голосъ заявляютъ, что старая русская пословица «что ни городъ, то норовъ, что ни деревня, то обычай» теперь можетъ быть переименована: «что ни голова, то обычай»⁶⁾; «Обычаи, если только и были въ нашей мѣстности, давно исчезли; ихъ замѣнило усмотрѣніе, начиная съ усмотрѣнія волостнаго суда и кончая Губернскимъ Присутствіемъ» (Епифанск. у. к.; Звенигородск. у. к.). Докладъ Е. П. Шольпа (Красноярск. у. к.), указываетъ на отсутствіе не только крестьянскихъ, но и инородческихъ, такъ называемыхъ, степныхъ обычаевъ.

«Въ дѣйствительности вмѣсто идеализированнаго народнаго обычнаго права», говорилъ докладчикъ, «въ Волостныхъ судахъ царить въ лучшемъ случаѣ канцелярски-административная мудрость волостныхъ писарей, понадерганная изъ разныхъ справочныхъ изданій и циркуляровъ». «Какъ исчезли или исчезаютъ — народная пѣсня, одежда, танцы, замѣнившись частушкой, пиджаками и французской кадрилию такъ исчезли и народно-правовые обычаи, а ихъ мѣсто за-

1) „Труды Комиссіи“ Любощинскаго, т. 5, стр. 1, Кіевск. губ., Дымеровская волость.

2) Ibid. Т. 2, стр. 156, Моск. губ., Богородск. у.

3) Ibid. Т. 1, стр. 12, 21, 36, 38, 59.

4) Ibid. Т. 2, стр. 24, 25.

5) Ibid. Т. 6, стр. 709. Вологодской губ., Грязовецк. у.

6) Докладъ Богданова, Тихвин. у. к.

няли какіе-то осколки законовъ, циркуляровъ и инструкцій въ толкованіи преимущественно волостныхъ писарей», говоритъ докладчикъ Бѣлякъ Тихвинскому уѣздному комитету. Орловская губернская Земская Управа, на основаніи анализа рѣшеній Волостныхъ судовъ, пришла къ заключенію, что обычаи при современныхъ усложнившихся отношеніяхъ теряютъ значеніе устойчивыхъ и постоянныхъ нормъ, такъ какъ во всѣхъ рѣшеніяхъ, пересмотрѣнныхъ Управой, указывается прямо, что данное дѣло рѣшено на основаніи такого или иного закона. Отсутствіе же и въ рѣшеніяхъ суда, и въ заявленіяхъ истца и отвѣтчика, и въ показаніяхъ свидѣтелей ссылки на обычай краснорѣчивѣе говоритъ о его неизвѣстности» (Сборн. «Нужды Деревни» стр. 61). Въ настоящее время обычное право, которое по выраженію проф. Л. І. Петражицкаго, обладаетъ такимъ авторитетомъ, такой несомнѣнностью, такой доказательностью, что нечего его и записывать, такъ какъ оно живетъ въ сердцахъ не нуждаясь въ формулировкѣ на бумагѣ, въ такой формѣ не существуетъ. Это исчезновеніе обычая въ наши дни было засвидѣтельствовано въ Государственной Думѣ большинствомъ ея ораторовъ.

Къ этому выводу народныхъ представителей постепенно приходило и правительство, наконецъ, съ трибуны Государственной Думы устами Министра Юстиціи, заявившее, что «Въ настоящее время можно считать почти общепризнаннымъ, что обычнаго права для большинства правоотношеній у крестьянъ нѣтъ» (Рѣчь Мин. Юст. 30 октября 1909 г. Засѣданіе 10, сессія III). Отношеніе правительства къ нормамъ обычнаго права мѣнялось параллельно переменамъ, происходившимъ въ сферѣ правовой, семейной и экономической жизни деревни, какъ слѣдствіи общаго экономического переворота въ странѣ. Такъ, когда обычай былъ въ силѣ, правительство не осмѣливалось замѣнять его закономъ, соглашаясь съ заключеніями комиссій сенатора Любошинскаго и Каханова, которыя высказались за сохраненіе сословнаго крестьянскаго суда, руководимаго совѣстью и обычаями. Какъ отзвукъ этого признанія обычая до сихъ поръ осталась статья 25 врем. прав. о Волостномъ судѣ, гдѣ суду предоставляется право рѣшать дѣла между крестьянами «по совѣсти и обычаямъ». Но уже съ 80-хъ годовъ 19 столѣтія начался поворотъ въ воззрѣніяхъ правительства на обычное право. Паденіе обычая было замѣчено имъ, и практика Сената не замедлила отмѣтить это явленіе своими близкими по времени, но далекими по содержанию рѣше-

ніями. На вопросъ, кто доказываетъ существованіе обычая, судъ или стороны, Сенатъ въ 70-хъ годахъ отвѣчалъ: судъ (см. Рѣшеніе Гражд. Кассац. Департ. 1870 г. за № 1376), а въ 80-хъ годахъ возложилъ эту обязанность на стороны (см. Рѣш. 1880 г. № 63 и 1891 г. № 86). Мало того, Сенатъ еще установилъ особую процедуру удостовѣренія мѣстныхъ обычаевъ, замѣнивъ свободное изслѣдованіе суда—ручательствомъ сельскаго схода (Рѣш. 9 сент. 1887 г. № 3365). Перемѣна во взглядахъ правительства на обычай какъ разъ совпадаетъ съ эпохою быстрого роста капитализма въ Россіи, измѣнившаго весь ея status quo. Переходъ Россіи къ капиталистической формѣ хозяйства такъ сильно толкнулъ впередъ всю жизнь страны и такъ быстро измѣнилъ ея правоотношенія, что въ 1902 г. комиссія Стишинскаго уже находила возможность высказаться за изданіе для деревни писаннаго права особаго гражданскаго сельскаго устава. А въ настоящее время зашла рѣчь и о распространеніи на деревню X-го тома Св. Законовъ, такъ какъ «по имѣющимся у правительства статистическимъ даннымъ, около 84% всѣхъ разсматриваемыхъ Волостными судами дѣлъ не связаны съ какими-либо особенностями крестьянскаго быта, а возникаютъ по поводу такихъ правоотношеній, которыя могутъ существовать и между лицами всѣхъ другихъ состояній»¹⁾.

Внося проектъ о реформѣ мѣстнаго суда въ Государственную Думу, правительство о обычаяхъ высказалось такъ: «Обычай столь разнообразенъ, будучи иногда неодинаковъ въ 2-хъ сосѣднихъ селеніяхъ, столь шатки и неопредѣленны, а подъ часъ и неуловимы, что самимъ крестьянамъ они бываютъ неизвѣстны» (Объяснит. зап. къ проекту). Итакъ, обычай постепенно исчезаетъ, но не вымеръ еще окончательно. Онъ находится въ періодѣ усиленнаго разложенія, двигаясь къ своему полному уничтоженію медленно, неравномѣрно, съ различной силой для разныхъ мѣстъ. Явившись къ жизни не волею законодателя, а совершенно стихійно и также незамѣтно путемъ повторенія распространявшійся въ народныхъ массахъ, обычай не можетъ и исчезнуть однимъ мановеніемъ руки законодателя. Имѣя корни въ несложныхъ правовыхъ представленіяхъ далекаго прошлаго, утвердившись въ разныхъ мѣстностяхъ въ различныхъ формахъ, уничтоженіе обычнаго права можно пред

¹⁾ (Рѣчь Мин. Юстиціи 30 Октября 1909 г. въ 3 Госуд. Думѣ. 10 Засѣд. Сессія 3).

ставить себѣ не иначе, какъ въ видѣ зубчатаго колеса съ различной величины впадинами и выпуклостями, сѣуживающагося постепенно въ своей окружности. Такая картина разложенія обычая соотвѣтствуетъ и историческимъ условіямъ его возникновенія. Являясь въ большинствѣ случаевъ продуктомъ безотчетнаго народнаго творчества, обычай возникаль и по другимъ причинамъ. По свидѣтельству приватъ-доцента Аничкова, на происхожденіе обычая вліяли условія общекультурныя, экономическія, религіозныя и даже цѣлыя систематизированные правовые институты, какъ это доказано относительно осетинъ и другихъ горцевъ сѣвернаго Кавказа, въ адатахъ которыхъ были найдены слѣды византійскаго и грузинскаго права ¹⁾.

Въ населеніи татарскомъ и башкирскомъ обычай возникаль подъ вліяніемъ шаріата. По заявленію пр-доц. Аничкова, обычай (адаты) у киргизовъ является довольно развитой формой правосознанія, но это потому, что источниками киргизскаго адата, находящагося въ органической связи съ ихъ кочевымъ бытомъ и степнымъ хозяйствомъ, были тѣ степные законы, которые издавна подъ именемъ „Ясъ“ Чигинсъ-хана вошли въ сознаніе всѣхъ кочевыхъ народовъ и въ 17 вѣкѣ вылились въ Монголо-Калмыцкій или Ойратскій уставъ взысканій (1640 г.) ²⁾

На происхожденіе обычаевъ калмыковъ и бурятъ вліяло сохраненіе древнихъ степныхъ законовъ и исповѣданіе буддійскихъ вѣрованій (40 стр. Аничковъ). Воздѣйствіе господствующаго законодательства черезъ посредство X-го тома сказалось на обычаяхъ Великороссіи, Малороссіи, Бѣлоруссіи и Литовскаго населенія. На обычаи Туркестанскаго края вліяли религіозно-правовыя мусульманскія начала (стр. 37—41, Аничковъ. „Мировой судъ“). При такомъ разнообразіи причинъ, вліявшихъ на происхожденіе обычая, и паденіе его зависитъ отъ многочисленныхъ и также разнообразныхъ причинъ, вслѣдствіе чего уничтоженіе обычая не можетъ произойти сразу, а съ этимъ фактомъ необходимо считаться при замѣнѣ въ мѣстномъ судѣ нормъ обычнаго права нормами писаннаго права. Подвести подъ одинъ уровень всѣ мѣстности Европейской и Азіатской Россіи нельзя, особенно въ настоящее время, когда крестьянское право и замѣнить то нечѣмъ,

¹⁾ См. стр. 37—39. Аничковъ. Миров. судъ и преобр. низш. суд. .

²⁾ См. Гродековъ. Киргизы Сыръ-Дарьинской обл. изд. 1889 г. стр. 20—24.

такъ какъ законодательныя нормы X-го тома находятся въ періодѣ пересмотра, въ виду ихъ устарѣлаго, неисправнаго, отжившаго характера и, какъ выражаются уѣздные комитеты о сельско-хозяйственныхъ нуждахъ, „въ виду полнаго несоотвѣтствія ихъ съ правовыми воззрѣніями крестьянства и общими условіями правовой жизни деревни“.¹⁾ При такихъ условіяхъ разложенія обычая ни общество ни правительство не рѣшились категорически высказаться за полную замѣну въ крестьянскомъ быту обычнаго права писаннымъ. Мнѣнія же, относительно того, какъ примѣнять въ реформированномъ мѣстномъ судѣ обычное право, раздѣлились. Одни высказались за примѣненіе только „несомнѣнныхъ нормъ обычнаго права“ (Звенигородскій, Ливенскій, Суджанскій у. к.). Другіе требовали точнаго указанія обычаевъ въ законѣ. (Нижегор. у. к.). Третьи допускали замѣну обычнаго права, какъ несуществующаго „точными гражданскими нормами“ (Суджанскій у. к.). Четвертые считали необходимымъ сохранить дѣйствіе обычнаго права только въ сферѣ наслѣдственнаго и семейнаго права, какъ въ такихъ областяхъ права, которыя отличаются особеннымъ консерватизмомъ и медленно измѣняются (Красноярскій у. к.). Проектъ и комиссія 3 Думы отстаиваютъ необходимость въ мѣстномъ судѣ руководствоваться общеимперскими законами съ допущеніемъ лишь въ извѣстныхъ случаяхъ, главнымъ образомъ, въ сферѣ семейнаго и наслѣдственнаго права дѣйствія обычая. Такимъ образомъ, этимъ среднимъ пріемомъ, неувѣреннымъ и, какъ-бы, колеблющимся, правительство и законодатели лишь констатируютъ тотъ разбродъ въ дѣйствіи обычнаго права, на который мы указывали выше, и который явился слѣдствіемъ общей ломки экономическихъ отношеній въ странѣ. Намъ кажется, примѣненіе обычая должно быть обусловлено только тѣми случаями, гдѣ это прямо указывается закономъ. Но, оставляя въ сторонѣ споры о цѣлесообразности примѣненія обычая въ той формѣ, какую предлагаетъ большинство 3 Думы, споры насколько пригодно для деревни дѣйствующее общеимперское законодательство, и споры о изданіи особаго сельскаго устава, мы перейдемъ къ слѣдующей главѣ о формахъ мѣстнаго суда.

¹⁾ См. стр. 62 Сбор. «Нужды деревни».

Проектируемая организація мѣстнаго суда.

Формы устройства Мѣстнаго Суда.

Организація мѣстнаго суда со стороны формы въ теоріи раздѣляется на 3 вида. Во-1-хъ, выборный коллегіальный судъ съ соотвѣтственнымъ образовательнымъ цензомъ для предсѣдателя и пониженнымъ для прочихъ членовъ суда; 2) единоличный выборный судья съ соотвѣтственнымъ образовательнымъ цензомъ; 3) единоличный коронный судья. Проектъ и большинство 3 Думы остановились на второй формѣ устройства мѣстнаго суда. Отстаивая свое мнѣніе, проектъ находитъ невозможнымъ ввести выборный коллегіальный мѣстный судъ по слѣдующимъ соображеніямъ: а) въ виду недостаточности образованныхъ лицъ среди мѣстныхъ жителей, в) вслѣдствіе дороговизны содержанія; с) во избѣжаніе преобладанія крестьянства въ ущербъ прочимъ классамъ населенія; d) разнородность коллегіи можетъ привести къ давленію со стороны юридически образованнаго предсѣдателя; e) Шеффенскій судъ отвлекаетъ много народныхъ силъ, создаетъ неравенство, и прямо нежелательно участіе технически-необразованныхъ судей по дѣламъ гражданскимъ, гдѣ имѣетъ большое значеніе формальное соблюденіе юридической нормы, поддерживающей цѣлостность и опредѣленность оборота.¹⁾ Комиссія 2-ой и 3-й Г. Думы, по поводу особыхъ мнѣній крестьянъ несогласавшихся съ единоличною властью мѣстнаго судьи, дополнили перечисленные соображенія проекта, указывая во 1) на то, что опытъ Шеффенскаго суда въ Германіи вызываетъ возраженія на своей родинѣ, вслѣдствіе чего комиссія 3 Думы не задумываясь сочла засѣдателей ненужнымъ „привѣскомъ суда“; во 2) на то, что коллегіальный составъ суда ослабляетъ нравственную отвѣтственность судьи; въ 3) на то, что быстрота и простота производства, необходимыя въ мѣстномъ судѣ, могутъ быть достигнуты только единоличною властью судьи. Пунктуальныя возраженія на эти доводы противниковъ народнаго участія въ дѣлахъ мѣстнаго суда сдѣлалъ приватъ-доц. П. И. Люблинскій. (См. реформа м. суда. „Русская Мысль“ 1909 кн. 4). Сущность ихъ сводится къ слѣдующему: 1) участіе представителей въ мѣстномъ судѣ не ослабляетъ, а усиливаетъ у судьи сознаніе отвѣтственности, такъ какъ судья подвергается контролю совмѣстно дѣйствующихъ уполномоченныхъ; 2) съ судьи не спадаетъ отвѣтственность такъ какъ можно внести правило финляндскихъ судовъ, по которому при разногласіи судьи и засѣдателей по юридическому вопросу дѣло пере-

¹⁾ Объясн. Зап. къ проекту.

носятся въ высшую инстанцію по инициативѣ судьи несогласнаго съ засѣдателями; въ 3) Народное участіе не „привѣсокъ“, а вноситъ въ разбирательство новыя точки зрѣнія, ускользающія отъ привыкшаго къ формальности судьи; въ 4-хъ) участіе народа не будетъ обременительно, такъ какъ оно рекомендуется для дѣлъ болѣе крупныхъ (напр. влекущихъ по закону заключеніе въ тюрьмѣ), или въ дѣлахъ, гдѣ нужно примѣнить обычное право; въ 5-хъ, указывается проектомъ на преобладаніе крестьянъ въ судѣ, но оно будетъ уравновѣшено судьей-юристомъ, который при сохраненіи имущ. ценза всегда будетъ принадлежать къ высшимъ классамъ населенія; въ 6-хъ) Общественное мнѣніе не достаточно для контроля за мировымъ судьей, такъ какъ организованнаго общественнаго мнѣнія особенно въ глухихъ мѣстахъ не найдешь; въ 7-хъ) Германскіе шеффены и теоріей и практикой признаны весьма удачными; въ 8-хъ) Мелкія дѣла, которыя будутъ въ мѣстномъ судѣ, будутъ неинтересны образованному мировому судѣ, а участіе крестьянъ поможетъ здѣсь удалить наиболѣе опасныхъ враговъ судебной дѣятельности: халатность и рутину. Политическія соображенія такъ же говорятъ за народное участіе въ дѣлахъ мѣстнаго суда. Земская реформа 1890 г., законъ 3 іюня постепенно удаляютъ крестьянство отъ самоуправленія и законодательства, а такая политика систематическаго, ничѣмъ не компенсируемаго, суженія крестьянской самодѣятельности только притупляетъ населеніе, убивая въ немъ порывы къ общественному строительству. Въ пользу народнаго участія въ мѣстномъ судѣ говоритъ и исторія мѣстнаго суда. Разсматривая выше въ спеціальномъ отдѣлѣ различныя организациі мѣстнаго суда въ разные періоды русской исторіи, мы путемъ систематическаго изложенія пришли къ опредѣленному выводу, что народное участіе въ дѣлахъ мѣстнаго суда во всѣхъ періодахъ являлось необходимымъ придаткомъ суда и присутствіе народнаго элемента не только не мѣшало дѣлу правосудія, но наоборотъ помогало ему, внося непосредственность своихъ знаній житейскихъ отношеній, чувствительность къ индивидуальной обстановкѣ правонарушенія и общую оживляющую свѣжесть въ разборѣ дѣлъ. Въ исторіи лишь мѣнялись формы народнаго участія, но не мѣнялось народное желаніе судиться въ присутствіи мѣстныхъ жителей или непосредственно у своихъ односельчанъ-судей. Это желаніе перешло въ привычку—обычай и такъ глубоко и сильно упрочилось въ народномъ сознаніи, что оно до сихъ поръ не исчезло, оставаясь могучимъ и дѣйственнымъ въ

крестьянской массѣ, что можно видѣть, хотя-бы изъ того факта, что депутаты-крестьяне 2-ой и 3-й Думы члены судебной комиссіи, не смотря на различіе партійныхъ взглядовъ стойко и единодушно объединились, въ особомъ мнѣніи, защищая коллегіальность выборнаго мѣстнаго суда. Анкета, произведенная на мѣстахъ среди крестьянъ трудовой группой 3 Думы, тоже подтвердила этотъ фактъ, такъ какъ по провѣркѣ свѣдѣній оказалось, высказавшихся за необходимость коллегіальнаго мѣстнаго суда 92% и только 8% за единоличнаго (Рѣчь деп. Ляхницкаго 4 ноября 1909). Интересныя свѣдѣнія въ этомъ отношеніи комиссіи сенатора Любошинскаго. Исслѣдователямъ комиссіи пришлось натолкнуться на прочную организацію не правительственнаго крестьянскаго суда, вполне авторитетнаго, оборудованнаго формально, дѣйствующаго рядомъ съ оффиціальнымъ судомъ и покоящагося единственно на народной привычкѣ—обычаѣ судиться, прежде всего у себя, у лицъ уважаемыхъ на селѣ. Изъ отвѣтовъ крестьянъ на вопросы исслѣдователей получилась довольно любопытная, своеобразная картина суда у мѣстныхъ жителей. Крестьяне Сам. губ., напр. отвѣчали: „обращаемся сначала на сельскій сходъ, который „всячески мирить спорщиковъ“. Если стороны не мирятся, сходъ отсылаетъ ихъ къ старшинѣ. Если и ему не удастся примирить, то дѣло переходитъ въ Волостной судъ. „Споровъ и неприяностей бываетъ въ годъ болѣе 50, но до Волостнаго суда доходить не болѣе 10-ти“. ¹⁾ „Въ дѣлахъ и раздѣлѣ и наслѣдствѣ спорщики обращаются иногда къ сходу, а иногда и къ „старикамъ“, которые судятъ „по старинѣ и справедливости“. Эти споры до Волостнаго суда доходятъ только въ рѣдкихъ случаяхъ“ ²⁾. „Кромѣ суда въ каждомъ селѣ—свой сельскій судъ, въ которомъ засѣдаютъ староста и судцы (т. 5 стр. 1 Кіевск. губ.) Крестьяне Екатер. губ. заявляли: „Прежде Волостнаго суда дѣла разбираются всегда у своего сельскаго старосты, который и судить или со всѣмъ обществомъ, если дѣло поважнѣе, или съ двумя тремя добросовѣстными по меньшимъ дѣламъ“ ³⁾ Нѣтъ нужды перечислять всѣ многочисленные отвѣты крестьянъ по данному поводу. Ихъ прекрасно систематизировалъ Скоробогатый, на котораго мы и сошлемся (Подробно см. Юр. Вѣстникъ 1880 г. 6—7 кн.). Послѣдній, изучая многообразныя часто причудливыя формы неоффиціальнаго крестьянскаго суда, подраздѣлилъ ихъ на 3

¹⁾ Труды Комиссіи Любошинскаго т. 6, стр. 256. Бугурусл. у.

²⁾ Ibid. м. 6.

³⁾ Т. 5, стр. 504/5. Новомоск. у., Елизавет. вол.

группы. Первая группа, когда судъ опредѣляется усмотрѣніемъ сторонъ. Сюда относятся: а) судъ стариковъ, в) судъ посредниковъ, с) третейскіе суды. Вторая группа, когда въ судѣ принимаетъ участіе или все общество въ наличномъ составѣ или черезъ выборныхъ представителей. Формы этой группы: а) судъ сельскихъ сходовъ, в) малыхъ волостныхъ сходовъ, с) волостныхъ полныхъ сходовъ. Къ третьей группѣ относятся суды, которые имѣютъ постоянную организацію, напр., а) судъ старосты и выборныхъ, в) судъ старосты съ добросовѣстными, с) судъ старосты съ волостными судьями, которые присутствуютъ просто, какъ уважаемые односельчане, наконецъ, д) судъ старосты съ сельскими судьями. Кромѣ этихъ видовъ неофициальнаго крестьянскаго суда, встрѣчаются еще спеціальныя и экстренныя суды, напр. судъ рыбаковъ на озерѣ Неро. Г. Ефименко въ своемъ сборникѣ народныхъ юридическихъ обычаевъ Арханг. губ. указываетъ на судъ сосѣдей, который, по ея утверженію, крестьяне предпочитаютъ волостному и сельскому. Съ такой исторически сложившейся привычкой населенія судиться у мѣстныхъ жителей необходимо считаться, если правительство и Дума желаютъ возбудить довѣріе къ новому мировому институту. А этого довѣрія и проектъ и судебная комиссія 2 и 3 Думы ищутъ, такъ какъ, главнымъ образомъ, по этому мотиву высказались за выборность единоличнаго мирового судьи. Докладчикъ судебной комиссіи во 2-ой Думѣ Гессенъ прямо говорилъ: судья долженъ пользоваться довѣріемъ, а для довѣрія нужна независимость, а для нея несмѣняемость, чтобы достигъ всего этого въ наукѣ справедливо и прочно установился взглядъ, что судья долженъ быть по назначенію, но въ виду вѣковаго недовѣрія крестьянъ къ интеллигенту, необходимо его разсѣять и выборность судьи поможетъ возбудить къ нему довѣріе населенія (См. Рѣчь въ 2-ой Думѣ 49 засѣд. 1907 г. и докладъ на сѣздѣ Криминалистовъ въ Москвѣ 4 янв. 1909 г.). На нашъ взглядъ этотъ окольный путь мало поможетъ дѣлу, такъ какъ единоличная власть мирового судьи не въ состояніи будетъ вытравить въ народномъ сознаніи мысли, „что мировой не есть такое же начальство“ (Т. III, 21 ст. Труды сен. Любощ.) При оплошности отдѣльныхъ мировыхъ судей трудно будетъ искоренить въ народномъ убѣжденіи тотъ непріятный осадокъ, что „и у мирового не лучше“; „ничего не добьешься“ (т. VI, стр. 26. Труды сен. Любощинскаго). Тогда народныя поговорки: „не всякій пруть по закону гнуть“, „законъ что дышло, куда повернешь, туда и вышло“, стануть ходячей

характеристикой новаго института. Избѣжать этого и упрочить довѣріе къ мировому институту легче, когда къ участию въ дѣлахъ мѣстнаго суда будетъ допущено само населеніе черезъ выборныхъ представителей.

Участіе это допустимо и не будетъ противорѣчить общимъ задачамъ мѣстнаго суда, который по опредѣленію проекта долженъ «разрѣшать всѣ обыденныя, менѣе важныя дѣла населенія, затрагивающія его ближайшія нужды». Кому же больше знать и кому болѣе понятны эти нужды, какъ не самому населенію, живущему однородной жизнью и знающему всѣ мелочи крестьянскаго быта. Кромѣ того, участіе населенія въ судебной дѣятельности будетъ воспытывающимъ и облагораживающимъ образомъ дѣйствовать на него, какъ справедливо на это обстоятельство указывали крестьяне, члены судебной комиссіи 2-й Думы, въ особомъ мнѣніи своемъ по поводу единоличнаго мирового судьи, защищаемого большинствомъ комиссіи. Такимъ образомъ, если реформа должна оставаться въ неразрывной связи съ прошлымъ и желаетъ сохранить изъ него тѣ основы, которыя не противорѣчатъ новымъ требованіямъ, то представители отъ населенія должны быть допущены къ мѣстной судебной дѣятельности. Однако, Дума 3 созыва приняла предложеніе судебной комиссіи и проекта, высказавшись за единоличнаго выборнаго мирового судью. Пропуская, поэтому, схему устройства суда коллегіальнаго, мы перейдемъ къ изложенію дальнѣйшей организаціи проектируемаго единоличнаго мѣстнаго суда.

По проекту выбирать мировыхъ судей **Выборная кол-** въ земскихъ губерніяхъ предоставляется **легія.** Уѣзднымъ Земскимъ Собраніямъ. Въ неземскихъ они будутъ назначаемы министромъ юстиціи изъ мѣстныхъ жителей, удовлетворяющихъ образовательному и имущественному цензамъ. Въ обл. Войска Донскаго избираютъ окружныя избирательныя собранія. Въ городахъ избирательною коллегіей должна быть Городская Дума. Судебная комиссія 2 Госуд. Думы отказалась отъ сословно-земскихъ выборовъ мирового судьи въ надеждѣ на реформу мѣстнаго самоуправления на широкихъ демократическихъ началахъ. Докладчикъ говорилъ по этому поводу: «Среди комиссіи не было разногласій о томъ, что эти судьи не должны быть избираемы нынѣшними общественными установленіями». Въ запросѣ же 31 представителя отъ крестьянъ выдвигалась 3-хъ членная формула для выборовъ мирового судьи въ всесословной земской единицѣ. Но время

шло, тускнѣли желанія, слабѣли порывы, смѣнились дѣятели и судебная комиссія з Думы умѣрила требованія, согласившись съ проектомъ поручить избраніе мировыхъ судей „земскимъ собраніямъ, какъ прочно поставленному организованному представительству всесловныхъ интересовъ на мѣстахъ“. Правда, комиссія оговорила, что „задача ея была-бы значительно облегчена, если-бы имѣлись утвержденныя основныя положенія преобразования мѣстнаго самоуправления“, такъ что комиссія, повидимому, остановилась на земскихъ собраніяхъ, какъ выборной коллегіи мировыхъ судей, въ качествѣ мѣры временной. Однако, нельзя согласиться съ рѣшеніемъ комиссіи, такъ какъ земство и въ качествѣ временной выборной коллегіи не можетъ не повредить цѣлямъ правосудія. Въ настоящее время земство приняло классовую окраску. Оно защищаетъ интересы землевладѣльческіе и потому будетъ оцѣнивать кандидатовъ не съ точки зрѣнія ихъ желанія и способности служить правосудію, а съ точки зрѣнія ихъ готовности защищать классовые ихъ интересы. Тогда при наличности имущественнаго ценза судьей будетъ дворянинъ-помѣщикъ, а лица крестьянскаго сословія и представители либеральныхъ профессій будутъ оттѣснены „бариномъ“, котораго такъ боялись крестьяне члены судебной комиссіи (см. Особое мнѣніе въ суд. ком. з Думы). Кромѣ того, одна принадлежность судьи по своему происхожденію и воспитанію къ высшему классу общества налагаетъ на его дѣятельность извѣстный отпечатокъ, вызывая недовольство въ широкихъ кругахъ населенія (Тауберъ. „Реформа м. суда“, стр. 9). Въ виду указанныхъ соображеній, цѣлесообразнѣе организовать выборы мировыхъ судей слѣдующимъ образомъ: выборы мирового судьи можно вести на спеціально созываемомъ для того всесловномъ съѣздѣ и при томъ избирателями не всего уѣзда, а только даннаго мирового участка. Этимъ устранится возможность образования въ средѣ немногочисленнаго земскаго собранія главенствующей партіи. Избираемый судья не будетъ знать кому изъ избирателей онъ обязанъ своимъ мѣстомъ. Поэтому, онъ будетъ чувствовать свою независимость служить дѣлу, а не лицамъ. Въ Госуд. Думѣ отстаивала этотъ взглядъ трудовая группа, подкрѣпляя его цифровыми данными анкеты. По этому пункту населеніе высказалось такъ: 72% за то, чтобы мировой судья избирался населеніемъ участка, 28% за то, чтобы онъ избирался домохозяевами участка и только 4 процента за то, чтобы онъ избирался земскимъ собраніемъ.

Объ образовательномъ цензѣ мировыхъ **Образователь-** судей вопросъ въ проектѣ разрѣшенъ такъ: **ный цензъ.** назначаемые мировые судьи должны обладать высшимъ юридическимъ образованіемъ и, сверхъ того, отбыть обычный кандидатскій стажъ или прослужить не менѣе 3 лѣтъ нотаріусомъ, или не менѣе 6 л. заниматься судебною практикой, или состоять преподавателемъ юридическихъ наукъ въ высшей школѣ. Эти высокія требованія понижены для выборныхъ мировыхъ судей. Здѣсь принципиально признается высшее образование юридическое безъ всякаго предварительнаго стажа, но чтобы не стѣснять числа возможныхъ кандидатовъ при выборахъ предположено и принято большинствомъ 3 Думы заключеніе судебной комиссіи о допущеніи къ мѣстной судебной дѣятельности и лицъ получившихъ среднее образование. Требования же къ неполучившимъ высшее юридическое образование повышены. Отъ нихъ требуется пріобрѣтеніе юридической служебной опытности, или доказать свою подготовленность для самостоятельнаго исполненія обязанностей мирового судьи, подвергшись испытанію въ установленномъ Министерствомъ Юстиціи порядкѣ (2 п. ст. 19 проекта учр. суд. уст.). Комиссія 3 Думы для лицъ съ высшимъ образованіемъ установила привиллегію, освобождая ихъ отъ имущественнаго ценза при условіи 1) мѣстнаго происхожденія и 2) не менѣе 5 лѣтняго передъ выборами пребыванія въ означенной мѣстности. Въ настоящее время при сложности и развитіи судебной техники юридическая подготовка и судейская опытность имѣютъ слишкомъ большое значеніе. Судья мало знанія законовъ; гораздо важнѣе умѣнье понимать ихъ смыслъ и примѣнять къ сложнымъ житейскимъ отношеніямъ, тѣмъ болѣе, что въ мѣстномъ судѣ не уничтожается еще и дѣйствіе обычнаго права. Поэтому, едва-ли слѣдуетъ для мирового судьи понижать образовательный цензъ до средняго образованія. Среднее образование, при своей разнохарактерности часто ничего общаго не имѣющее съ юриспруденціей, не можетъ удовлетворить сложнымъ условіямъ судебной службы. Послѣдняя, по опредѣленію I. Гессена, есть „особое искусство, которое достается выработкой опредѣленныхъ пріемовъ мышленія, извѣстной дисциплиной ума, могущей развиваться въ результатъ систематическаго юридическаго образованія“ ¹⁾. Мировая же служба у насъ съ мо-

¹⁾ Рѣчь въ 2 Г. Д., 49 засѣд. 1907 г.

мента возникновенія была окружена особеннымъ ореоломъ, такъ что А. Ѳ. Кони, вспоминая о дѣятельности мирового судьи Квиста, обобщилъ всю дѣятельность мировыхъ судей такъ: «Камеры ихъ сразу сдѣлались не только мѣстомъ доступнаго народу правосудія, но и школою порядочности и уваженія къ человѣческому достоинству». Сохранить и создать такой авторитетъ мировому институту, конечно, легче можетъ человѣкъ, прошедшій высшую школу, развивающую сознание, расширяющую кругозоръ и помогающую быстрѣе овладѣвать судебной техникой. Нѣтъ нужды понижать образовательный цензъ до средняго и по соображеніямъ практическимъ. По исчисленіямъ министерства юстиціи въ первую очередь для 46 губ., которыхъ коснется реформа, потребуется 4,370 мировыхъ судей. Это количество не велико. Если въ 70-хъ годахъ по исчисленіямъ Окунева (см. Ж. М. Ю. 1896 г. № 2) мировыхъ судей съ [высшимъ образованіемъ было до 72 проц., то въ настоящее время, когда университеты выпускаютъ ежегодно тысячи, когда повсюду стали появляться безработные юристы, когда, напр., сословіе присяж. пов. старается оградить себя отъ наплыва молодыхъ юридическихъ силъ опредѣленіемъ нормъ; говорить о недостаткѣ юридически образованныхъ лицъ не придется, особенно въ центральныхъ губерніяхъ. При условіи же коллегіальности суда, которую мы защищали, возможно было-бы, безъ ущерба для мѣстныхъ интересовъ въ дѣлѣ правосудія, снять рамки обязательнаго мѣстнаго происхожденія мирового судьи и тогда получился-бы преизбытокъ въ судьяхъ, съ помощью котораго можно было-бы ввести реформу и на окраинахъ и равномѣрнѣе распредѣлять юридическія силы въ центральныхъ мѣстностяхъ. Сохраненіе института почетныхъ мировыхъ судей такъ же поддержитъ равновѣсіе и пополнитъ недостатокъ въ мѣстныхъ судьяхъ.

Имущественный цензъ. По проекту выборный мировой судья непременно долженъ быть изъ числа мѣстныхъ жителей (ст. 19).

Признакомъ же мѣстной осѣдлости должно являться цензовое недвижимое имущество кандидата (либо его родителей или жены), которое должно находиться въ его владѣніи не менѣе года въ предѣлахъ той губерніи, гдѣ будетъ происходить его избраніе. Проектъ даже предлагалъ всероссійскій цензъ, т. е. владѣніе гдѣ-либо на пространствѣ Россіи соотвѣтствующимъ имущественнымъ цензомъ, но судебная комиссія 3. Думы отвергла это предложеніе, уста-

новивъ владѣніе имуществомъ въ той же губерніи. Относительно размѣра имущественнаго ценза проектъ Министра Юстиціи обнаружилъ колебаніе. Въ первоначальномъ проектѣ земельный цензъ былъ, въ сравненіи съ судебными уставами, пониженъ до размѣровъ ординарнаго (т. е. 125—800 десятинъ), установленнаго для избранія въ земскіе гласные, или владѣніе въ сельскихъ мѣстностяхъ недвижимостью, дающею право на участіе въ выборахъ въ Государственную Думу (ст. 12 пол. 6 Авг. 1905 г.), или другою недвижимостью, оцѣненной для взиманія налога не менѣе 7,500 р., а въ столицахъ не менѣе 15,000 р., или, наконецъ, уплата квартирнаго налога, начиная съ 10-го разряда. Въ дополненіи къ проекту земельный цензъ повышенъ до двойного, владѣніе же недвижимостью доведено до 15,000 р. Въ дополненіи, кромѣ того, предлагалось, вмѣсто счета десятинъ, число которыхъ нерѣдко ничего не говоритъ, перейти къ налоговой системѣ. Въ отношеніи къ кандидатамъ, получившимъ высшее образованіе, проектъ тоже обнаружилъ колебаніе въ требованіи имущественнаго ценза. Первоначально онъ предложилъ уменьшить его на половину, но потомъ отказался отъ этой привиллегіи. Судебная комиссія 3 Думы „не желая дѣлать цензъ орудіемъ для проведенія въ составъ судей только лицъ богатыхъ“, внесла существенныя измѣненія въ предложенія проекта. Она уменьшила земельный цензъ, уравнивъ его съ цензомъ, необходимымъ для избранія въ земскіе гласные; недвижимое имущество, владѣніе которымъ даетъ право на избраніе, оцѣнила для уѣздовъ не ниже 15,000 р., а для городовъ отъ 3 — 15,000 р.; отклонила предложеніе министерства о налоговомъ цензѣ и освободила кандидатовъ въ мировые судьи съ высшимъ образованіемъ отъ всякаго имущественнаго ценза подъ условіемъ 5-лѣтняго проживанія въ мѣстности и мѣстнаго происхожденія. Теоретически требованіе имущественнаго ценза не можетъ быть оправдано, такъ какъ имъ ставится непреодолимое препятствіе для человѣка способнаго и хорошаго, но не имѣющаго ценза, который, однако, съ большою пользою могъ бы служить дѣлу. Проектъ, настаивая на требованіи для мирового судьи имущественнаго ценза, въ свое оправданіе приводитъ слѣдующія соображенія: во-первыхъ, имущественная состоятельность судьи, который періодически переизбирается, должна обезпечивать его судебскую независимость, во вторыхъ, судья „чрезвычайно было бы трудно устоять противъ разнаго рода вліяній или даже искушеній, если бы онъ по матеріальному своему положенію находился въ состояніи

близкомъ къ нуждѣ“ (Объясн. зап. стр. 72). Судебная комиссия 3 Думы въ своемъ мотивированномъ заявленіи къ этимъ соображеніямъ добавляетъ еще третье, указывая на то, что имущественный цензъ „прежде всего свидѣтельствуеть о связи человѣка съ данною мѣстностью“. Трудно согласиться съ этими мотивами проекта и судебной комиссіи. Они просто приведены для того, чтобы замаскировать тѣ классовыя инстинкты, которые въ глубинѣ души таятся у правительства и членовъ Думы 3-го іюня. Опасаясь демократическаго вліянія на судьбу выборовъ мировыхъ судей, законодатели рѣшили проще избѣжать этого явленія, заранѣе очертивъ, лицами достаточныхъ классовъ, кругъ людей, достойныхъ быть мировыми судьями. Въ самомъ дѣлѣ, проектъ рассчитываетъ цензомъ обезпечить судья независимость. Но развѣ владѣніе 200—300 десятинами есть неоспоримый залогъ состоятельности человѣка и, слѣдовательно, его независимости? Нуженъ слишкомъ высокій цензъ, чтобы судья чувствовалъ себя вполне независимымъ отъ случайностей выборовъ.

Независимость судьи создается не его крупнымъ состояніемъ, а нравственной силой личности, поддерживаемой дѣятельнымъ контролемъ общественнаго мнѣнія. Судья съ высокими личными качествами будетъ далекъ отъ выборной интриги и своимъ безпристрастіемъ и чуткимъ отношеніемъ къ дѣлу на долго заслужить довѣріе своихъ избирателей, обезпечивъ этимъ устойчивость своему служебному положенію. Это подтверждается и данными статистики. По исчисленіямъ Окунева ¹⁾ съ 1865 — 1889 г. средняя продолжительность службы мирового судьи по назначенію 9 лѣтъ 2 мѣс. 19 дн., а по выборамъ 8 лѣтъ 10 мѣс. 10 дн., т. е. почти ничего не колеблется въ сравненіи съ обыкновеннымъ ходомъ службы и каждый судья выдержалъ въ среднемъ 3 избранія. По отчету столичнаго мирового съѣзда на 1 янв. 1897 г. судьи прослужили: 1 судья 27 лѣтъ; 1—23 года; 4—20 л.; 12—отъ 10—20 лѣтъ, 9 судей отъ 5—10 л.; 3—второе 3-лѣтіе и только 5 добавочныхъ служили менѣе 3-хъ лѣтъ. Такая устойчивость службы мировыхъ судей обусловливалась не ихъ крупнымъ состояніемъ, а нравственными качествами судей, такъ-какъ, по свидѣтельству Обнинскаго, «практика Спб. столичнаго мирового округа представляетъ многочисленныя примѣры, когда по отношенію къ вліятельнымъ и иногда высокопоставленнымъ лицамъ, когда воздѣй-

¹⁾ Журн. М. Ю. 1896 г. № 2.

ствіе на судей тѣмъ или инымъ путемъ казалось возможнымъ, законъ примѣнялся во всей его полнотѣ и справедливости. Ревизіи и въ остальной части Россіи не давали такъ же матеріала, чтобы признать, что выборный характеръ мировыхъ судей вліялъ когда-либо на ихъ судейское убѣжденіе въ пользу группы избирателей и во вредъ остальному населенію». А среди мировыхъ судей, конечно, не мало было съ достаткомъ ниже средняго. Насколько мало помогаетъ судейской независимости ихъ матеріальная обеспеченность, можно видѣть и изъ примѣра, приводимаго членомъ Думы Черносвитовымъ: „Сенаторы получаютъ не менѣе 7,000 р. не говоря о арендахъ и другихъ условіяхъ, но что же въ выборной компаніи сенаторы доказали развѣ независимость Сената? Ее мы не видѣли“ ¹⁾. Второе соображеніе проекта, касающееся вліянія „искушеній“ на матеріально не обеспеченнаго судью, лишено всякихъ основаній. Вѣдь, мировые судьи, назначаемые правительствомъ, судебные слѣдователи и судьи общихъ судебныхъ мѣстъ, живутъ только получаемымъ жалованьемъ, однако, никому и въ голову не приходитъ требовать отъ нихъ имущественнаго ценза, съ цѣлью оградить ихъ отъ корыстныхъ „искушеній“ и разнаго рода вліаній“. Мало имущественный цензъ говоритъ и о связи лица съ мѣстностью, такъ какъ владѣніе землей есть самый ненадежный признакъ осѣдлости человека. Можно прожить всю жизнь въ извѣстномъ уѣздѣ и не имѣть въ немъ полного земельного ценза и наоборотъ владѣть цензомъ въ другомъ мѣстѣ и никогда не жить въ немъ. Кромѣ того, это требованіе имущественнаго ценза ведетъ къ развитію фиктивныхъ цензовъ. А. Ѳ. Кони въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что, когда у него произошелъ разладъ съ министромъ юстиціи, онъ задумалъ пройти въ мировые судьи и за сходную цѣну пріобрѣлъ необходимое количество десятинъ „въ мѣстѣ пустѣмъ, въ мѣстѣ безводнѣмъ, въ мѣстѣ безлюднѣмъ“. Судья же съ фиктивнымъ цензомъ, безъ сомнѣнія, очутится въ самыхъ непріятныхъ условіяхъ, такъ какъ онъ, связанный фальсифицированными обязательствами, начинаетъ и продолжаетъ службу съ обхода закона, говоритъ Н. Г. Тальбергъ (Реформа мѣстнаго суда, стр. 33). А законъ, который открыто и сознательно обходится и обходъ котораго не встрѣчаетъ общественнаго осужденія долженъ быть отмѣненъ, какъ расходящійся съ требованіями жизни, говорилъ доклад-

¹⁾ Рѣчь во 2 Думѣ. 50 засѣд.

чикъ во 2-й Думѣ. Судебная комиссія 2-й Думы согласилась съ этимъ мнѣніемъ и отмѣнила имущественный цензъ для выборовъ въ мировые судьи. Но это единственно справедливое и разумное рѣшеніе комиссіи не встрѣтило сочувствія ни въ судебной комиссіи 3-й Думы, ни въ ея пленарномъ засѣданіи, хотя, какъ это ни странно, для мировыхъ судей, назначаемыхъ министерствомъ юстиціи, 3-я Дума нашла возможнымъ не требовать ни мѣстныхъ связей, ни постоянного проживанія, ни имущественнаго ценза.

Апелляція. По вопросу объ организаціи апелляціонной инстанціи проектъ примкнулъ къ проекту, разработанному комиссіей статсъ-секретаря Н. В. Муравьева. Отстаивая необходимость сліянія мѣстной юстиціи съ общей, проектъ надѣялся достигнуть этого путемъ учрежденія особыхъ уѣздныхъ и городскихъ отдѣленій окружнаго суда, находящихся въ тѣсной связи съ окружными судами. Чтобы удержать связь отдѣленій съ окружнымъ судомъ, можно въ составъ его ввести разъѣзжающаго по составленному росписанію одного изъ членовъ окружнаго суда. А чтобы избѣжать „товарищескаго характера“ второй инстанціи во главѣ отдѣленій Окружныхъ судовъ по проекту долженъ стоять постоянный назначаемый Членъ Окружнаго Суда, который долженъ быть и предсѣдателемъ коллегіи, состоящей не менѣе, какъ изъ 2-хъ мировыхъ судей, по очереди являющихся въ присутствіе изъ всѣхъ участковыхъ, добавочныхъ и почетныхъ мировыхъ судей. Сторонники сліянія мѣстной юстиціи съ общей указывали на то, что дѣятельность мирового судьи не должна отличаться отъ другихъ представителей судебной власти и что мѣстный судья не долженъ руководствоваться совѣстью. Противники сліянія мировой юстиціи съ общей, наоборотъ, указывали на различіе той и другой. І. В. Гессенъ такъ характеризовалъ это различіе: „Врядъ-ли нужно доказывать, что мѣстный судъ не есть только упрощенная форма общаго суда, что онъ отличается своими органическими особенностями, что ему присущи спеціальныя свойства. Не потому малоцѣнные дѣла и маловажные проступки передаются мѣстному суду, что они малоцѣнны и маловажны, что государство считаетъ себя въ правѣ удѣлять имъ меньше вниманія и представлять для нихъ менѣе совершенныя формы правосудія. Такой взглядъ былъ-бы глубоко антигосударственнымъ и живо напоминалъ-бы пресловутое правило нашего стараго лечебнаго устава, который постановлялъ, что крестьянскія болѣзни, въ виду ихъ простоты и несложности, должны ле-

читься дикорастущими травами, собираемыми чинами полевой стражи. Малоцѣнные дѣла потому передаются мѣстному суду, что они возникаютъ при особой обстановкѣ, что они совершаются, такъ сказать, походя и что, поэтому, въ случаѣ возникновенія, къ нимъ нельзя примѣнять тѣхъ формъ судопроизводства, которыя предназначены для серьезныхъ юридическихъ сдѣлокъ“ (Докладъ московск. съѣзду криминалистовъ). Судебная комиссія 2-й Государственной Думы стала въ этомъ вопросѣ на сторону противниковъ сліянія мировой юстиціи съ общей. Она, отвергнувъ „гибридную“ форму отдѣленій, сохраняетъ для председателей 2-й инстанціи выборное начало неприкосновеннымъ, не предрѣшая вопроса долженъ-ли онъ спеціально для этого выбираться или по устав. 1864 г. Мотивируя это рѣшеніе, комиссія предполагала, что председатель предлагаемыхъ проектомъ отдѣленій Окружнаго Суда сталъ-бы „давить на всѣхъ остальныхъ членовъ, проводить тѣ начала, къ которымъ онъ привыкъ въ общихъ судебныхъ установленіяхъ и, такимъ образомъ, мѣшать и затягивать разрѣшеніе дѣлъ“ (Рѣчь докладчика 49 засѣд. 1907 г.). Комиссія 3-й Думы выбрала средній путь. Она высказалась за съѣздъ мировыхъ судей, но съ председателемъ по назначенію отъ правительства. Защищая въ такомъ видѣ организацію апелляціонной инстанціи, докладчикъ комиссіи Шубинскій говорилъ: „Мы думаемъ, что на первыхъ порахъ для реформы, о которой выражается сомнѣніе, найдется-ли достаточно кандидатовъ, не бесполезно поставить во главѣ людей и хорошихъ юристовъ суровой дисциплины и суроваго судейскаго долга, которые сразу возвысили-бы эту реформу до того дѣлового хода, серьезнаго и важнаго, какой дѣйствуетъ въ нашихъ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ“ (Докладъ 3-й Думы 28 октября 1909 г.). Докладчикъ слишкомъ преклоняется передъ судейскимъ величіемъ судей по назначенію и черезъ мѣру вѣрять въ ихъ судейскую опытность. Ироніей будутъ звучать его доводы, если мы поставимъ рядомъ съ ними глубокое разочарованіе въ дѣловитости и серьезности судей по назначенію, которое высказалъ въ своей Думской рѣчи судья-практикъ Черносветовъ. Изъ практики Владимірскаго Окружнаго Суда онъ приводилъ слѣдующій примѣръ судейской бессмыслицы, съ которой оффициально обращался къ нему председатель суда: „Въ отношеніи лицъ, не регулируемыхъ требованіемъ закона, связующаго лицо съ опредѣленнымъ мѣстомъ жительства, а самостоятельно избирающее таковое, при разрѣшеніи

этого вопроса необходимо было-бы по существу устанавли-
 вать дѣйствительность проживанія ихъ въ извѣстной мѣст-
 ности“ (См. Рѣчь во 2-й Думѣ 50 засѣд.). Если такіе пред-
 сѣдатели будутъ въ мировыхъ сѣздахъ, то ясно, что они
 не только не помогутъ „серьезности и важности“ судей-
 скаго дѣла, но, потерявши авторитетъ среди товарищей,
 будутъ вносить только разладъ, который будетъ печально
 видѣтъ въ мировомъ институтѣ. Что вторая инстанція миро-
 вого суда, организованная въ формѣ мировыхъ сѣздовъ,
 съ выборнымъ предсѣдателемъ, ничего не уступаетъ своимъ
 знаніемъ, опытностью и дѣловитостью общимъ судебнымъ
 установленіямъ можно видѣтъ изъ слѣдующаго факта:
 „Изъ дѣла Петербургскаго Мирового Сѣзда за послѣднее
 трехлѣтіе къ 1898 году въ Сенатъ поступило по кассацион-
 нымъ жалобамъ 1184 дѣла. Отмѣнено же изъ нихъ было
 176 дѣлъ, т. е. 14,86%. За то же время всѣми мировыми
 судьями было рѣшено неокончательно съ правомъ апелляціи,
 а слѣдовательно, и съ возможностью кассациі 150,250 дѣлъ.
 Такимъ образомъ, изъ общаго числа рѣшеній и пригово-
 ровъ СПб. столичнаго мирового суда отмѣнено Сенатомъ
 0,117 проц.“¹⁾ Въ отзывѣ сенатора Н. Г. Принтца (см. ст.
 Жур. Мин. Юст. за 1894 г. Декабрь) говорится: „Достовѣрно
 однако, что Правительствующій Сенатъ по гражданскому
 кассационному Департаменту отмѣняетъ, по нарушенію зако-
 новъ матеріальнаго права и судопроизводства, такой же
 почти процентъ рѣшенія Судебныхъ Палатъ, какъ и Миро-
 выхъ Сѣздовъ.“ При такихъ безукоризненныхъ результа-
 тахъ дѣятельности Мировыхъ Сѣздовъ цѣлесообразнѣе
 вести реформу по пути, который уже испытанъ и имѣетъ
 за собой блестящую исторію опыта. Поэтому, апелляціонная
 инстанція мѣстнаго суда должна обособиться отъ общихъ
 судебныхъ установленій и должна быть организована въ
 формѣ сѣзда мировыхъ судей съ выборнымъ изъ ихъ сре-
 ды предсѣдателемъ. Опасеніе объяснительной записки къ
 проекту (стр. 93), что такіе судьи-товарищи будутъ склонны
 къ снисходительности и всегда будутъ стараться уладить
 дѣло, дабы не выносить сора изъ избы, напрасны. Товари-
 щескій характеръ мирового сѣзда, который будетъ состоять
 изъ равныхъ съ предсѣдателемъ *primus inter pares*, при-
 дастъ всей организаціи прочный видъ. Онъ создастъ среди
 членовъ сѣзда взаимную солидарность, разовьетъ въ нихъ
 чувство отвѣтственности всѣхъ за cadaго и cadaго за

¹⁾ Обнинскій. Сборн. ст., стр. 89.

всѣхъ, а при такихъ условіяхъ ошибки одного, неправильныя дѣйствія другого судьи будутъ касаться интересовъ всей коллегіи, которая въ подобныхъ случаяхъ будетъ бдительнѣе относиться къ дѣйствіямъ своихъ членовъ, чтобы не дать повода къ омраченію своего авторитета. Непринужденное же общеніе членовъ съѣзда между собой будетъ воспитывающимъ образомъ вліять на нихъ, возвышая каждую отдѣльную личность до общаго уровня коллегіи. „Когда вы, говорилъ депутатъ Родичевъ, соберете въ апелляціонной инстанціи мировыхъ судей, вы заставляете всѣхъ судей равняться, по наиболѣе справедливому, равняться по первому человѣку и создаете, кромѣ того, общественное мнѣніе судей, создаете у нихъ общіе приемы толкованія закона и создаете большой запасъ юридическихъ навыковъ и сознаний, переходящихъ отъ одного поколѣнія судей въ другое неизмѣнно и постоянно“ (Рѣчь въ 3 Думѣ, 12 ноября 1909 г.). Въ такой коллегіи—школѣ постъ предсѣдателя имѣетъ большое значеніе. Выборный предсѣдатель, какъ старшій товарищъ, однимъ уже избраніемъ становится въ глазахъ коллегіи, почтившей его довѣріемъ, авторитетнымъ руководителемъ и хранителемъ лучшихъ традицій Съѣзда. „Къ назначенному же предсѣдателю“, пишетъ бывшій мировой судья К. Дерюжинскій (см. его „Мѣстный Судъ“, стр. 10), „товарищи не понесутъ своихъ сомнѣній по вопросамъ юридической техники, такому предсѣдателю, не прошедшему на опытѣ изученія мѣстнаго быта, его особенностей, не повѣрятъ своихъ смѣлыхъ предположеній о сближеніи въ судебныхъ дѣлахъ житейской правды съ юридической, формальной силой закона, въ случаяхъ, когда не находится средствъ къ примѣненію того или другого закона, ибо послѣдній не можетъ же предусматривать всѣ случаи повседневной жизни, а практика жизни между тѣмъ требуетъ отвѣта, и въ этихъ случаяхъ Мировой Судья не только *jus dicit*, но и *jus facit*, особенно въ случаяхъ миролюбиваго рѣшенія спора. Въ этихъ случаяхъ незнаніе быта, непониманіе психологіи просителя по менѣе важнымъ дѣламъ со стороны предсѣдателя, незнакомаго со всѣми особенностями бытовыхъ дѣлъ менѣе цѣнныхъ, создаетъ полную отчужденность предсѣдателя отъ его товарищей: тогда преемственность традицій, взаимный обмѣнъ совѣтомъ и знаніями уступятъ мѣсто осторожной недовѣрчивости, неискренности, которая, какъ по электрической цѣпи отъ звена къ звену, передается всѣмъ членамъ коллегіи и значеніе послѣдней сведется къ нулю“.

Кассация. Кассационной инстанціей по дѣламъ мѣстнаго суда и проектомъ и судебной комиссіей 3-й Думы признается Сенатъ, съ изъятіемъ для отдѣльныхъ мѣстностей и если цѣна гражданскаго иска менѣе 100 руб.

Подсудность. Подсудность новаго мирового института по проекту и рѣшеніемъ Судебной комиссіи 3 Думы расширяется въ сравненіи съ Суд. Уставами 1864 г. По проекту компетенція мировыхъ судей должна объединить въ себѣ подсудность, раздробленную между разными мѣстными учрежденіями: „Волостными судами, Земскими начальниками, городскими судьями, членами Окр. Суда и, кромѣ того, къ вѣдѣнію мировыхъ судей перейдетъ часть дѣлъ подсудныхъ теперь Окружнымъ Судамъ. Объемъ подсудности мировыхъ судей по гражданскимъ дѣламъ опредѣляется цѣною иска до 1000 руб, вмѣсто прежнихъ 500 р., при чемъ, какъ для дѣлъ касающихся движимаго имущества, такъ и недвижимаго. Подчиненіе споровъ о правѣ на недвижимое имущество компетенціи мировыхъ судей будутъ имѣть большое значеніе, говоритъ Н. Г. Тальбергъ, такъ какъ до сихъ поръ эти права, можно сказать, были лишены судебной защиты, потому что отдаленность Окружнаго суда, а также сложность и дороговизна процесса въ общихъ судебныхъ установленіяхъ ставили для защиты недвижимости нерѣдко непреодолимые препятствія, вслѣдствіе чего страдали правосудіе и прочность законныхъ правъ“. Мировому институту будутъ подсудны дѣла по безспорнымъ обязательствамъ безъ ограниченія суммы. Онъ же по проекту утверждаетъ духовныя завѣщанія на сумму до 1000 р., совершаетъ вводъ во владѣніе, принимаетъ на храненіе деньги, вносимыя по обязательствамъ, уничтожаетъ довѣренности и, наконецъ, проектъ передаетъ изъ вѣденія волостнаго суда мировому суду правило 12 іюля 1889 г. о подсудности дѣлъ, вытекающихъ изъ владѣнія надѣльной землей независимо отъ цѣны иска. По уголовной подсудности мировому суду подчиняются всѣ дѣла, которыя влекутъ за собой наказанія: арестъ не свыше 3 мѣсяцевъ и тюремное заключеніе не свыше 1½ года, безъ лишенія и ограниченія правъ. Изъятія допущены для дѣлъ, когда къ уголовному дѣлу присоединяется еще гражданскій искъ на сумму выше подвѣдомственной мировымъ судьямъ, когда къ наказанію присоединяются отягчающія вину обстоятельства, на примѣръ, высылка и когда дѣла требуютъ спеціальной экспертизы. Усиливая подсудность, проектъ ссылается на опытъ въ окраинныхъ мѣстностяхъ

(Сибири, Туркестанѣ, Закавказьѣ, Архангельской губ.), гдѣ расширение подсудности мировыхъ судей не вызываетъ неудобствъ. Разсматривая же это увеличеніе компетенціи мировыхъ судей въ связи съ экономической обстановкой, въ которой течетъ современная общественная жизнь, придется придти къ выводу, что удвоеніе подсудной цифры въ гражданскихъ дѣлахъ мало соотвѣствуетъ одному изъ важныхъ условій мѣстнаго суда, его близости къ населенію. Въ вихрѣ капитализма, когда, какъ мы выше говорили, цѣнность денежныхъ знаковъ падаетъ, а цѣны на предметы потребленія растутъ, цифра гражданского иска въ 1000 р. уже не является очень крупной для деревни, такъ какъ послѣдняя, втянутая въ капиталистическій водоворотъ, совершаетъ сдѣлки на довольно крупныя суммы. Поэтому, увеличеніе суммы иска, хотя-бы до 2000 р., ближе соотвѣтствовало-бы гражданскому обороту деревни, тѣмъ болѣе, что такое повышеніе существующее на окраинахъ, по свидѣтельству объяснительной записки къ проекту (стр. 85), „до сихъ поръ на практикѣ никакихъ неудобствъ не обнаружилось“. Конечно, важно расширить компетенцію мировыхъ судей и въ другихъ случаяхъ, на что указывалъ въ 3 Думѣ докладчикъ судебной комиссіи Шубинскій, примѣрно приводя рѣшеніе комиссіи, которая остановилась на одномъ обстоятельстве, „находя неудобнымъ опеку за расточительность, состоящую изъ лишенія правъ, проводить черезъ административныя учрежденія, а не черезъ судъ“, но такого рода нововведенія стоятъ въ общей связи съ реформой гражданского кодекса, которая и должна будетъ распределить компетенцію гражданскихъ дѣлъ между различными судебными учрежденіями въ зависимости отъ удобствъ и потребностей населенія.

Заключение. Заканчивая свой обзоръ, мы думаемъ, что установить болѣе совершенныя начала мѣстнаго суда вообще можно при условіи коренной реформы общегосударственныхъ учрежденій, но и въ такомъ видѣ, какъ предлагаетъ реформировать мѣстный судъ 3 Государственной Думы, мировой институтъ можетъ заслужить уваженіе населенія и развитъ въ немъ къ себѣ довѣріе, если судъ будетъ, по выраженію Бентама, „у дверей каждаго жителя“. Объективное, неначальственное и дѣятельное отношеніе мирового судьи къ своимъ обязанностямъ избавятъ мировой судъ отъ тѣхъ судебныхъ порядковъ, которые создавали въ странѣ такія условія, что Россія, по мѣткому выраженію Хомякова, „въ судахъ была черна неправдой черной“.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Введеніе	5
Краткій очеркъ исторіи вопроса о реформѣ мѣстнаго суда	6—10
Обзоръ различныхъ организацій мѣстнаго суда въ разные періоды Русской исторіи	10
Періодъ «Русской правды»	10 — 12
Періодъ «Судебниковъ»	12 — 14
Періодъ «Уложенія»	14 — 17
«Императорскій» періодъ	17 — 20
Организація мѣстнаго суда по законамъ 1861, 1864 и 1889 годовъ	20—22
Недостатки современной организаціи мѣстнаго суда	22—32
Необходимость и важность реформы мѣстнаго суда	32—33
Основныя положенія предполагаемой реформы мѣстнаго суда	33—35
Всесословность мѣстнаго суда	35 — 36
Вопросъ о существованіи и значеніи обычнаго Права въ мѣстномъ судѣ	36 — 43

Проектируемая организація мѣстнаго суда.

Формы устройства мѣстнаго суда	44 — 48
Выборная коллегія	48 — 50
Образовательный цензъ	50 — 51
Имущественный цензъ	51 — 55
Апелляція	55 — 58
Кассація	59
Подсудность	59 — 60
Заключеніе	60

